ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 37-й | № 2 (3925) | ВТОРНИК, 4 ЯНВАРЯ 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

XXIII раздумья перед съездом

ЧЕЛОВЕК И ХЛЕБ

В последние часы ушедшего года в кабинете первого секретаря ЦК Коммунистической партии Эстонии Ивана Густавовича Кэбина — писатель Ааду Хинт. Он много ездил по колхозам и совхозам республики, жил среди рыбаков в том теперь уже прошлом году.

Перемены в жизни тружеников Эстонии, вызванные решениями недавних партийных Пленумов,— пока только впечатления от увиденного, короткие записи в блокнотах. Потом они впишутся в широкую картину жизни деревни, которую создаст писатель, люди, встреченные им, станут нашими знакомыми. Что это будет — роман, повесть, — сейчас еще трудно сказать. А пока только впечатления... Их много, они разнообразны, как сама жизнь республики. Об этом беседовали писатель А. Хинт и первый секретарь ЦК КП Эстонии И. Кэбин.

А. Хинт. Сразу и не вспомнишь все, что оставил в памяти 1965 год. Но вот хотя бы одно из событий: я присутствовал при том, как председатель колхоза имени Эдуарда Вильде снял покрывало с установленного перед колхозным клубом памятника писателю.

А вечером в этом клубе было объявлено об учреждении ежегодной литературной премии, которую правление колхоза будет присуждать автору лучшего литературного произведения года.

Как завидовали мы все лауреату колхозной премии 1965 года Рудольфу Сирге! Для нас, эстонских писателей, эта премия, идущая непосредственно из рук и сердца тружеников, очень дорога. Что и говорить, культура эстонской деревни сейчас необычайно высока. Республика небольшая, а книг на каждого человека покупается больше всех в стране. Да, не хлебом единым...

И. Кэбин. Но и не без хлеба. Утро года — весна — было тревожным, запоздалым, а обернулось счастливо — в среднем по 22 центнера зерна, по 170 центнеров картофеля собрано с каждого гектара скудной каменистой эстонской земли. Впрочем, «обернулось» не то слово, в нем есть элемент случайности. А в успехе земледельцев нет ни грана неожиданности, случайности. Он добыт упорным трудом, соблюдением всего комплекса агротехнических мероприятий. Каждое хозяйство, его руководитель и специалисты знают свою землю, и время сеять, и какие сорта лучше произрастают в условиях их хозяйства. Как говорит наша пословица — хозяйский глаз увеличивает плодородие земли.

А. Хинт. Да, у того же колхоза имени Э. Вильде 2 046 гектаров пашни, 304 — покосов, 733 — пастбищ, 100 гектаров леса. Естественно, одному хозяину не уследить за всем сразу. Но это не проблема для колхоза имени Вильде. Здесь пятьсот полноправных хозяев-колхозников. И потому везде порядок: и в поле, и на покосе, на лугах, в свинарниках, в хлевах, в тракторном парке, в столярных мастерских, на фермах пушного зверя. Теперь я знаю, если в каком-нибудь колхозе или совхозе низкие урожаи списывают на неплодородие почв, если коровы дают мало молока, а свиньи «пекутся о своей стройности»,— значит, нет там хозяйских глаз. Пытаются, видно, обойтись глазами или одного председателя колхоза, или одного директора совхоза.

Я спросил Акселя Раудовеэ — заместителя председателя этого колхоза, что он считает основной причиной успешного развития хозяйства.

Он ответил короткой фразой, похожей на математическую формулу, вместившую все то, что я слышал от других.

— Земля + толковое хозяйствование + начальный «капитал» + демократия в квадрате = рентабельности колхоза.

— Демократия в квадрате? Значит, вы считаете демократию важнейшим условием рентабельности?

— Да! Наша высокая рентабельность — новое качество, его нельзя добиться без демократии.

И. Кэбин. Безусловно, демократизм в работе влияет и на повышение производительности труда. Но это было бы просто прекрасной фразой, если бы рост производительности труда не стимулировался материальными факторами. В 1964 году в среднем за один рабочий день в колхозах было выплачено по 2 рубля 89 копеек. За первое полугодие 1965 года колхозники получили по 3 рубля 13 копеек за рабочий день. Скоро будет выведена цифра второй половины года, и она обещает быть еще более внушительной.

Ежемесячно колхозники получают как бы зарплату, а в некоторых хозяйствах она выплачивается два раза в месяц, как на заводе.

Словом, прошедшим годом и с точки зрения промышленности, и с точки зрения сельского хозяйства мы довольны. Ни одного убыточного хозяйства в республике,— только прибыль... Вот чем знаменателен для Эстонии этот год, год, предшествующий XXIII съезду нашей партии. И сейчас люди нашей республики готовятся встретить это важнейшее событие в жизни партии, всего народа новыми трудовыми победами.

А. Хинт. Я вижу, вы уже живете заботами наступающего года, завтрашними его делами?

И. Кэбин. Да, нужно больше внимания сейчас, зимой, уделить подготовке квалифицированных, экономически образованных кадров для деревни. Хозяйства стали многоотраслевыми — тут уж и карандашом не обойдешься, придется сесть за умные машины.

И вообще, без науки не удастся расти дальше. Сейчас не осталось ни одного хозяйства, не имеющего агрохимических карт. Работа по разведению лучших сортов сосредоточена в научных хозяйствах. Они выращивают семенную элиту, а колхозы и совхозы каждые 4 года обменивают у них свои семена на элитные. 99 процентов семян зерновых и картофеля сейчас выращиваются только сортовые.

А вот с семенами многолетних трав дело пока не налажено, и результат грустноватый — урожайность снизилась. Это одна из завтрашних забот.

И все-таки себестоимость животноводческой продукции у нас сейчас самая низкая в стране. Ученые и труженики сельского хозяйства многое сделали для этого. Наверное, вы сами, Ааду Александрович, чувствуете после поездок по республике, что процессы, происходящие сейчас в нашем народном хозяйстве, требуют писательского осмысления, раздумий. Новые экономические условия рождают новую психологию крестьянина.

А. Хинт. Тут уж нам надо браться за перо и бумагу. Отвечать придется книгами. А достойным ли будет ответ — решит читатель в новом, 1966 году.

НА ГАВАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ТРИ КОНТИНЕНТА У СЕБЯ ДОМА

Римма КАЗАКОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

И ЭТО действительно так.

Для воюющей Анголы, для сражающегося Вьетнама, для народа Южной Родезии, борющегося с расистами, для миллионов и миллионов людей Куба — родной дом.

...Снова я в Гаване.

И снова вижу небольшой скверик. Скверик носит имя девушки Фе де Вайс. Была она простой работницей в большом государственном магазине. Однажды ночью террористы-контрреволюционеры подожгли магазин. Фе бросилась спасать документы, ценности и — погибла. Молодая, полная сил девчонка кинулась в огонь — сильно было чувство долга, ответственности за всенародное достояние. У входа в сквер — дощечка со словами Фиделя, зовущими работать и строить во имя тех, кто не брал платы за право умереть за революцию...

Я прочитала эти слова Фиделя и вспомнила вчерашнее его выступление на многотысячном митинге в Гаване. Он назвал наступивший 1966 год «годом солидарности». Символически прозвучало это накануне открытия Конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. Конференция эта — прежде всего антиимпериалистическая.

«Окончательная религия — свобода», — сказал Хосе Марти. Нет ничего естественней, чем объединение людей в борьбе за свободу. Мы уже привыкли к таким величественным понятиям, как «африканское единство», «афро-азиатская солидарность»... Сегодня в многоязычный хор антиимпериалистической и антиколониальной солидарности вплелась и испанская речь. На Первой конференции солидарности трех континентов по праву зазвучал основной язык Латинской Америки, язык Лорки и Марти, язык защитников Мадрида и кубинских милиционер.

ГАВАНА — праздничная...

Я видела город полгода назад во время народного карнавала. Цветы, ленты, транспаранты, веселые маски, нарядные люди, песни — сквозь всю тропическую ночь, танцы до упаду... Но я видела Гавану и в будни, когда каждый занят своим делом. И все равно — это был праздник. И сегодняшняя, трижды праздничная Гавана — Новый год, седьмая годовщина революции, конференция солидарности — похожа на ту, будничную. Видимо, праздник тут, как говорится, в крови. Отойдут торжественные даты, снимут транспаранты, разъедутся гости, а праздник останется. И дело здесь не в южном темпераменте или жизнерадостном характере кубинцев. Главное — революция. От нее и настроение, она — дух острова, который недаром называют пылающим.

Иду по одной из многочисленных и для меня еще мало чем отличающихся друг от друга улиц, читаю на стене скобяной лавки намалеванное краской по камню ликующее и трогательное своей наивностью и чистотой: «Здесь кончилась эксплуатация человека человеком, сейчас здесь хозяин народ. Да здравствует мир во все мире, да здравствует революция! Patria o muerte!»...

Летом прошлого года один молодой кубинец сказал мне:

— На Кубе нет хищных зверей, вы это заметили? Были, правда, империалисты, но этих мы выгнали...

Выстраданно и заслуженно страна, вынашая своих единственных хищников, стала столицей исторического «трибуконтинентала». Слово «солидарность» имеет плоть, оно так же реально, как деревья, реки, люди, рождение детей. К семи миллионам кубинцев прибавляются миллионы, приславшие сюда сегодня своих делегатов.

Смотрю на них, на их лица — черные, белые, желтые. Куба — страна, где различие в цвете кожи так же естественно, как, скажем, различие пород деревьев и разноцветность клумб. Сколько раз доводилось мне видеть здесь белую руку, бережно и твердо обнимающую черное плечо, и наоборот... Это как прообраз будущего мира: многоликого, многоцветного, многоязычного. Нет, воистину к себе домой съехались люди с трех континентов, объединенные стремлением навеки похоронить расизм.

Я только-только прилетела на Кубу, не успела еще как следует осмотреться, впереди — встречи, разговоры, люди, судьбы. А пока меня волнует сама обстановка конференции, волнует Куба, воспоминания, связанные с первой встречей с ней, которые, однако, имеют прямое отношение к тому, что происходит здесь сейчас...

Среди памятников, которых очень много в Гаване, есть один: две колонны, у подножия которых сидит скорбящая женщина. Это памятник жертвам с корабля «Мэн», американского корабля, взорванного самими же американцами в 1898 году.

Почему в этом городе, где возвышается монумент Хосе Марти, апостола революции, как его называют кубинцы, где вечно скачут на своих бронзовых конях национальные герои Калисто Гарсиа и Антонио Масео, стоит и этот памятник?

Не говорит ли это лишний раз о человечности и народности антиимпериалистической революции? Жертвы «Мэн» — жертвы империализма. И кубинцы, и все, кто борется с американским империализмом, ненавидят империалистов, но не народ США.

И ТАК, СЕГОДНЯ начала свою работу Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. Уже поступила масса приветствий. Телеграмма Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина стала известна делегатам еще до официального открытия заседаний. Как соответствуют настроениям делегатов мысли, высказанные советскими руководителями! «К Гавана не сегодня привлечено внимание всех борцов против сил империалистической агрессии, колониализма, за национальное и социальное освобождение народов. Советские люди приветствуют вашу конференцию с твердой уверенностью в том, что она послужит еще большему сплочению выступающих против империализма широких масс на трех континентах и укреплению их боевой дружбы с народами социалистических стран, с международным рабочим движением».

Перед конференцией стоят большие задачи: борьба против империализма, за национальную свободу, мир и безопасность, вопросы экономического развития, борьба за мирное сосуществование, запрещение ядерного оружия, за ликвидацию военных баз, за всеобщий мир. Это — Конференция Большой Надежды.

ГАВАНА, 3 января. (По телефону)

Строится Чебоксарский химкомбинат. Фото Л. Шерстенникова

КНИГИ 1966-го...

Сегодня мы продолжаем разговор о книгах, которые выйдут в свет в 1966 году. Слово — директору издательства «Советский писатель» Н. Тесючевскому.

Издательство «Советский писатель»

СВЫШЕ 400 книг выпустит «Советский писатель» в 1966 году, 300 из них — новые произведения нашей многонациональной литературы. Наряду с русскими писателями будут представлены писатели 33 братских национальностей Советского Союза. Общий тираж всех изданий составит свыше 14 миллионов экземпляров. Главенствующее место занимают книги, посвященные нашей современности. Жизнь и деятельность людей труда находит, например, отражение в романах «Бумеранг» Н. Евдокимова и «Взлетают против ветра» В. Синенко.

О колхозной деревне написаны романы и повести: «Деревня на перепутье» Й. Авижюса, «Звезды над селом» Т. Журавлева, «Дорога через сердце» Г. Кочеткова, «Здесь я живу» А. Кулаковского, «Кабахи» Л. Мрелашвили, «Жди в далеких Гринях» И. Пташникова, «Айренашен» Х. Тапалцяна, «Шургельцы» В. Ухли. Проблемам современности посвящены также книги «Голубая земля» А. Вальцевой, «Я леплю снежную бабу» Р. Кугуя, «Мать-мачеха» В. Солоухина, «Круглый стол на пятерых» Г. Шумарова и другие.

Отечественная война... Не слабеет и не может ослабеть внимание советских писателей к этой волнующей теме. В 1966 году с новым произведением выступит Борис Полевой — его повесть «Доктор Вера» посвящена героическому подвигу женщины-врача. Издадим мы также роман В. Кожевникова «Щит и меч», повести В. Собко «Десять дней счастья», С. Жураховича «Киевские ночи», И. Шамякина «Тревожное счастье», В. Амлинского «Тучи над городом встали», книги рассказов Л. Волынского «Дорога к новой земле», М. Еглинас-Еличаса «За одну ночь», адмирала И. Исакова «Неистребимый майор» и другие.

Приближается знаменательная дата — 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. 1966 год — год, предшествующий юбилейному. Под этим знаком формировался наш план выпуска литературы. В этой связи особое значение приобретают произведения, изображающие революционное прошлое нашей Родины, а также произведения, посвященные различным этапам развития нашего социалистического общества. Исключительно ответственная и важная задача — художественное воплощение образа великого вождя революции В. И. Ленина.

В 1966 году мы издадим роман А. Коптелова «Возгорится пламя», повествующий о жизни и работе В. И. Ленина в сибирской ссылке. В третьей книге романа М. Соколова «Искры» показан период после 1905 года, борьба партии большевиков под руководством В. И. Ленина за развитие и торжество революции. Образ Ленина воссоздается и в романе Д. Рахманова «На средней линии», отображающем события с февраля по октябрь 1917 года.

Событиям гражданской войны и первым годам Советского государства посвящены роман А. Ищука «Вербовчане», повесть Д. Луканинова «Святыни», книга повестей Х.-М. Мукуева «Господин из Стамбула», документальный очерк Ю. Трифонова «Отблеск костра», роман И. Сельвинского «О, юность моя!» — первое выступление известного поэта с крупным прозаическим произведением.

Конец двадцатых и тридцатые годы находят свое отражение в книге Б. Галина «Время далекое — товарищи близкие», в романе А. Кешокова «Зеленый полумесяц».

Как всегда, видное место в плане издательства отведено поэзии. Сто десять поэтов в 1966 году выступят у нас со своими книгами. Все их перечислить, конечно, невозможно. Все же назову хотя бы некоторые имена, чтобы в какой-то степени показать поэтическое разнообразие будущих книг: А. Адалис, Н. Браун, Г. Горбовский, И. Грудев, С. Кирсанов, А. Кудрейко, С. Куняев, К. Лисовский, В. Лобода, Л. Мартынов, Н. Матвеева, Л. Ошанин, В. Полторацкий, А. Преловский, И. Рождественский, А. Романенко, Н. Старшинов, А. Тарковский, В. Фирсов, Д. Абилев, А. Белевич, И. Драч, Б. Кербабаев, А. Малышко, Э. Межелайтис, Миртемир, М. Нагнибеда, Р. Ованесян, П. Панченко, Л. Попов, А. Токомбаев, М. Турсун-заде, А. Шогенцуков и многие другие.

Выйдут в свет крупные обобщающие работы критиков и литературоведов И. Анисимова, Б. Сучкова, В. Пименова, М. Храпченко, М. Гуса и других. Будет издан ряд критико-биографических очерков, а также книг о писательском труде, о лаборатории художественного творчества.

Два слова о наших переизданиях. Часто это не такие уж переиздания. Это, в сущности, повторные тиражи книг, которые вышли в предыдущие год-два и завоевали интерес и признание у читателей. Таковы, например, «Тени исчезают в полдень» А. Иванова, «Горькие травы» П. Проскурина, «Один из нас» В. Рослякова, «Лето в Сосняках» А. Рыбакова, «Правда и кривда» М. Стельмаха, «Жили-были» В. Шкловского.

Особое место в наших планах занимает серия «Библиотека поэта», основанная А. М. Горьким. В плане на 1966 год—книги Н. Карамзина, В. Кюхельбекера, В. Майкова, Абая, Шота Руставели, поэтов-петрашевцев и другие. Значительное место занимают издания произведений советских поэтов. Это сборники Б. Корнилова, В. Луговского, В. Саянова, М. Светлова, И. Уткина.

Круг авторов, книги которых выйдут в свет в 1966 году, широк и охватывает писателей разных поколений. Здесь и такие крупнейшие мастера, зачинатели советской литературы, как Всеволод Иванов, дневники и записные книжки которого мы выпускаем, как Леонид Леонов, чей роман «Вор» переиздается, здесь и писатели других поколений, и самые молодые — выступающие со своей первой книгой.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении народного сказителя Хакассии Кадышева С. П. орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить народного сказителя Хакассии Кадышева Семена Прокопьевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **Н. ПОДГОРНЫЙ.**
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **М. ГЕОРГАДЗЕ.**

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
30 декабря 1965 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Курбансаа Османа Абдул оглы (Османа Сарывелли) орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Курбанова Османа Абдул оглы (Османа Сарывелли) орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **Н. ПОДГОРНЫЙ.**
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **М. ГЕОРГАДЗЕ.**

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
30 декабря 1965 г.

ТАЙНЫ МОРСКИХ ГЛУБИН

Владимир ГРИГОРЬЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ Ларин, одесский врач, десять лет назад смонтировал акваланг в общем-то с теми же хорошо известными целями, с какими теперь экипируются тысячи любителей подводного мира. Ощущение невесомости, заколдованные виды нептуновых владений, таинственный перламутровый мир... и все-таки не только этим привлекала глубина моря Вадима Ларина. Ощущение таинственности само по себе прекрасно, однако, пока ты остаешься просто наблюдателем, к этому чувству примешивается неудовлетворенность, и она будет ощущаться, пока ты не станешь соучастником тайн.

И когда профессор-гидробиолог К. А. Виноградов, заинтересовавшись возможностями акваланга, предложил Ларину участие в исследованиях устричных плантаций Егорлыцкого залива, то получил немедленное согласие. Вот оно, маленькое научное приключение под водой,— это уже интересней: погружения приобретают естественную и практическую цель.

Там, на берегах Егорлыцкого залива, Ларин услышал от рыбаков историю, которую одни назвали бы героической, другие — страшной, третьи — легендарной. А верней, это все было в ней, в изустной истории сражений советских кораблей с немецкими оккупантами. Никто из очевидцев уже не помнил, как назывались погибшие суда, но сама картина грозного побоища накрепко врезалась в их память.

Ларин внимательно слушал неторопливые рассказы рыбаков. Детали, детали интересовали его. Вадим Викторович понял — он придет сюда, найдет корабли и узнает историю их подвига.

Идея розыска затонувших кораблей не сразу получила серьезную поддержку со стороны тех, кто мог бы помочь этой идее. Да и сама постановка вопроса звучала тогда (до первых успехов было еще далеко!) для некоторых довольно странно: в свободное и отпускное время люди хотят сделать то, что под силу — да и под силу ли? — иной научной экспедиции.

Объем работ? Да! Сто тридцать судов, погибших в боях у черноморских берегов, «заселенных» каталог Ларина. И еще дюжину — из других, совершенно разных времен. Чтобы составить список, пришлось извлечь сотни пожелтевших документов, опросить старых рыбаков, разыскать видавших виды водолазов. Люди, объединившиеся в подводной секции морского клуба, по крохам собирали этот каталог. И получился настоящий исторический труд, которому могут позавидовать иные кафедры истории.

Сто тридцать... А сколько за этой цифрой судеб, сколько отчаяния, надежд, мужества! Неужели сила моря столь велика, что не вырвать у него эти судьбы?

МОНИТОР «УДАРНЫЙ» погиб 21 сентября 1941 года. Речной крейсер, флагман Дунайской военной флотилии, он принял первый бой 22 июня у Измаила и с этого дня попадал из переделки в переделку.

В последний раз вступил он в бой у Килбурнской косы, где ребята в полосатых тельняшках вставали из курортных песков в контратаки. Как только монитор подошел к пескам косы, с ходу открывая беглый огонь по наседавшим фашистам, как только охнула обшивка корабля от первых залпов орудий главного калибра, вздохнули моряки, погнали драгунувшего врага, не давая ему выйти к морю и окружить Одессу.

21 сентября дюжина немецких бомбардировщиков в пикирующем полете устремилась на «Ударный». Расчеты слились с орудиями, они выжимали из не очень-то мощной зенитной техники все, что можно. Захлебываясь, строчит счетверенный пулемет «Максим»...

В воздухе один самолеты со свастикой. Час Покрышкиных еще не пришел. Однако и пулемет что-то значит: он уже первый «юнкерс», не выходя из пике, вспарывает море.

Монитор объят пламенем, он оседает все ниже, борта разворочены, командир монитора Иван Проховов убит. По расчеты на местах. Еще один «юнкерс»... полоча дымный шлейф, отваливает в сторону. И даже когда под водой осталась одна носовая пушка, ствол ее продолжал посылать снаряд за снарядом. Оставшийся в башне артиллерист ведет огонь, пока и башня не скрылась под водой.

Один из многих боевых эпизодов 1941 года. Помнят ли его потомки? Вспомнят ли того, кто не ушел из носовой башни? Да ведь таких вот — неушедших — тысячи! Оттого и безвестно это сражение, что имена сражавшихся развеяны временем, ушли на недосягаемые глубины.

И все-таки имена с «Ударного» вернулись к своим героям, и само событие перестало быть безымянным.

ПЕРВУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ удалось организовать только в 1963 году. Снаряжение и добрую половину личного состава дала киевская экспедиция. Киев, город, как известно, континентальный. Но парадоксы парадоксами, а Игорь Заседа, Владлен Козак, Луис Солуэнья и другие киевские аквалангисты поставили дело на широкую ногу. Оснащение группы легло на плечи украинской федерации подводного спорта, центрального совета общества «Авангард».

Двадцать с лишним лет пролежал корабль на дне морском, оброс мидиями, затянул пробоины живой тканью водорослей. И вот снова в его каютах люди, а вместе с ними — страхи и радости.

Страх? А что же еще, если в сумрачном корабельном переходе застряла горка неразорвавшихся снарядов? Костя Левинский соображает быстро. Нет, не проскользнуть — заденешь снаряд складками гидрокостюма. Медленно снимает костюм. Ну, поплыл Костя... Пронесло...

А надежды? Один поднятый сейф пуст, второй полон... пепла. Зато третий — полон бумаг! Надежды крепнут. Вот на палубу катера поднимается счетверенный пулемет, кожухи его помяты, разворочены осколками.

Но главное — списки людей с «Ударного». Ведь кто-то остался в живых, кто-то может рассказать больше, чем предметные свидетели истории!

Дневник! Четкие ряды строк. Кто автор этого дневника? А вот лежат на столе раскрытые тома Толстого, Пушкина. Видимо, закрыть их помешал сигнал боевой тревоги. Поистине, не все музы молчат, когда говорят пушки.

ПОКА ИСТОРИЯ монитора «Ударного» медленно разворачивалась, море приготовило подводникам отличный сюрприз. Настоящий подарок. И если открытие монитора смешало радость поиска с печалью, то новый нежданный дар оказался незамутненным, пожалуй, даже поэтическим.

Нырнув в какой-нибудь сотне метров от Лузановского пляжа, Толя Бородкин — нынешний председатель секции одесских подводников — не рассчитывал на особую добычу. Захотелось немного побродить под водой, рассеяться, что ли, — вот и нырнул. Вынырнул, а в кулаке пригоршня монет XVIII века. Знакомые контуры российского герба.

Происхождение микроклада казалось необъяснимым. Судя по архивным документам, русские суда в районе Лузановки не тонули никогда. А откуда появиться здесь денежной россыпи, как не с борта терпящего крушение корабля?

Документов, свидетельствующих о каком-нибудь кораблекрушении в районе Лузановки, не обнаружилось. Логика вещей требовала ограничиться случайной находкой. А беспокойная интуиция требовала своего: искать дальше.

Вадим Ларин, киевлянин Владлен Козак и другие «охотники» на этот раз не имели даже рабочей гипотезы, ведущей к находкам. Но, видимо, иногда не мешает положиться и на чистую интуицию. Ведь вот: спустились люди под воду, и ничто не предвещало особого успеха, а нашли... боевой корабль ушаковской эскадры.

Да, целую эпоху поджидал ушаковский брандер гостей в масках и с баллонами за плечами. В какой нибудь сотне метров от берега, всего-навсего на четырехметровой глубине! Сугробы песка и ила не позволили, правда, пробраться в глубь трюмов, но собранный улов принес много радости. Монеты, бронзовые пряжки и пуговицы, свинцовые пули, ядра, вгрызшиеся в борт корабля... Видно по всему, бой был нешуточный. Но почему все-таки архивы умолчали о гибели корабля?

А оказалось вот что. 28 – 29 августа 1790 года эскадра контр-адмирала Федора Ушакова разгромила флот капудан-паши Гуссейна. В бою против турок применялись и брандеры, суда таранного назначения. Сделав свое дело, они ложились на дно, но в списки погибших тем не менее не занесились. Один из тех брандеров и был теперь открыт.

Покрытый столетними отложениями ракушек парусный брандер возник как из поэмы, тени эпоса лежат на его палубах.

(Окончание на 2-й стр.)

новогоднее

Николай ГРИБАЧЕВ

Лица

И сыр денек, и сер денек,
И глух скупчий плач,
И лес от головы до ног
Закутан в серый плащ.
И ветер, сбившийся с тропы,
Шуршит, как жухлый лист,
И на оттенки чувств скупы
Овалы встречных лиц.
Что там за ними — правда, ложь?
Унынье? Радость? Спесь?
Все, все размазывает сплошь
Дождя со снегом смесь,
Все в общий контур, в рыхлый ком
Одним мазком вразброс
От чавкающих каблуков
До вымокших волос.
Но ты не верь в безликость лиц,
Не подбивай итог:
В одном прижился хитрый лис,
В другом — талант, как бог;
Тот в мелкой зависти завяз
И в сплетню влип, как в мед,
А тот
готов
в огонь за нас,
На дот, на пулемет.
И ты уже не одинок,
И серость — дьявол с ней! —
И стылый кажется денек
Теплей,
светлей,
ясней!

□

Николай ДОРИЗО

Снег

Какая тишь,
Какая вольница!
Снег, снег —
насколько хватит глаз.
Песец и за границей водится,
А снег,
ей-богу,
лишь у нас!
Он русский,
дедовский,
старинный,
Такой,
что тройку б под уздцы!
Летят снежники над долиной
И тают, словно бубенцы.
А ночью —
на сугробах тени
И свет из позднего окна.
Не паровое отопленье —
Сквозь снег,
Сквозь свет
мне печь слышна.
Всю жизнь мечтавший об уюте,
Стою я в сумраке ночном
И так завидую тем людям,
Что за своим живут окном!..
О, снег,
Мягка твоя печальность.
В снегу поляны,
как во сне.
Веселье,
грусть,
патриархальность,
Все краски,
звуки —
в белизне!
И боль, и нега,
нега снега.
О, русский снег
Под Новый год, —
Как будто с неба,
с неба,
с неба
Не снег,
а музыка идет.

□

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

Доска объявлений

Хорошо бы мне стать
доской объявлений
и вечером,
после рабочего дня,
ходить из квартиры в квартиру!
Позвонить бы у двери,
и удивленным хозяевам,
ей и ему,
предложить — выбирайте:
Концерт Баха.
Выставка пейзажа.
Гамлет.
Речитатив Рихтера.
Травиата.
Поющие голоса Японии.
Мне хотелось бы,
чтобы мог предложить я любому
на выбор,
по вкусу —
его цвет,
его звук,
его запах любимый.
Этим крепким парням —
состязанья по боксу
или столик в кафе.
Молодой этой паре,
которая в ссоре, —
прогулку на пароходе.
А бездомным влюбленным —
два места в кино,
в последнем ряду, —
пусть целуются там в полумраке.
А мальчишке,
штаниШки порвавшему в драке,
получившему взбучку за это, —
аскимо или, скажем, пломбир.
Одиноким старушкам —
цветочную выставку в парке.
А министрам,
редакторам
и другим очень занятым людям,
что мечтают в субботу,
окончив работу,
на рыбалку отправиться
или охоту, —
предложил бы я лекцию
«Будем любить природу».
Вот я вижу,
как женщина
непроизвольно гладит на мужчину,
а мужчина смущенно
проводит рукой по щеке —
десять, бриться пора еще рано,—
а потом говорит:
— Это, в общем-то, странно,
но уж если явилась к нам
лично доска объявлений, —
может, надо и впрямь ожидать
необычных каких-то явлений?..
Женщина вылечает утюг.
Я отправляюсь дальше.

Перевел с литовского
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

□

Владимир ЦЫБИН

Напряженье

От притяженья рос,
от притяженья снега —
до притяженья звезд,
до притяженья неба.
Мы этот путь повторим
в святом предчувствии замаха,
вновь! —
Тяжесть ростущих крыл
сквозь вечную тяжесть страха.
Я живу об одном молю,
чтоб со скоростью света
через судьбу мою
прошло
притяженье века!
И все-таки для себя
для самого, как ни дико, —
напряжена судьба,
напряжена
до взрыва.
Как падает наземь лист,
как падает свет от солнца,
так падает время вниз,
и белый след остается!
У века особый дар —
я слышу его
я вижу,
о, притяженье вдаль,
о, притяженье высью!
И возле звездных чумбин
будет нужна лишь малость —
маленая тяжесть рябин,
берез снеговая тяжесть.
Я слышу, как тяжело
напряжено притяженье —
и вырастает крыло
в яростном нетерпенье.

НАШ СОВРЕМЕННИК

Из снимков, присланных на фотоконкурс.

Рыбаки Каспия. Фото Г. Леонидова (Москва)

ТАЙНЫ МОРСКИХ ГЛУБИН

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Но экипаж брандера не соберешь за круглым столом, а вот матросы монитора, те, что остались живы, могут предстать перед современниками и живой речью поведать о героических страницах нашего народа.

РАЗЫСКАТЬ ГЕРОЕВ и собрать их вместе! — это стало задачей номер один, гражданской задачей спортсменов-подводников. Разыскать людей по событиям четвертьвековой давности — труд немалый. Судьба наверняка разбросала их далеко друг от друга. Да, труд. Но герои этого очерка — врачи, рабочие, ученые — всегда были тружениками и не привыкли пасовать перед трудом.

И вот начали один за другим собираться адреса. И. Ф. Дрожжин, автор найденного в мониторе дневника, прислал письмо из Измаила. Отчуда же отозвался и А. М. Магицкий — это он сразил пулеметной очередью «юнкерс». Выяснилось, что главстаршина И. П. Гулин работает на киевском заводе «Металлолит», ударник коммунистического труда. А вот Александр Быковец погиб — это он до последней минуты вел огонь из носовой пушки. О его гибели стало известно из письма другого участника сражения, днепропетровца Н. А. Рогатюка.

Прошло еще немного времени, и украинские телезрители стали свидетелями волнующего события, звена в цепочке открытий. Герои «Ударного» собрались наконец вместе. И радостной получилась встреча, и драматической. И не было спокойных среди тех, кто смотрел эту передачу...

Прошедшим летом одесситы Олег Модрабарчук, Андрей Шевалев, Вадим Ларин, Виталий Хохлов бросили якорь яхты «Азимут» над погибшим в 1941 году эсминцем «Фрунзе». Им удалось затралить одно из корабельных орудий, но лебедка не потянула тяжелый груз. И тут (бывают же чудеса!) появился корабль «Днепр». Легко неся мощные краны, «Днепр» в сотне метров пронесся мимо «Азимута»: увы, все просьбы о помощи остались безуспешны. А ведь всего пятнадцать минут остановки — и орудие легло бы на палубу яхты.

Не прошел бы «Днепр» так же бесстрастно мимо «Фрунзе» в сентябре 41-го. Так почему же проходит теперь? Что делать, не каждый остановится в своем сегодняшнем движении и заботах, для того чтобы вспомнить о том, что было вчера. Но вот остановился Вадим Ларин, врач, кандидат наук; остановился Костя Левинский, нашедший дневник Дрожжина на дне морском; вот, поджидая экспедиции, ставит вехи над затонувшими кораблями старик-береговик Константин Степанович Цицюк. И идет дело, идет...

Так осуществляется преемственность духа, из поколения в поколение, от видавших виды к самым молодым, пороха не нюхавшим. Через исследование, знание исторической правды и пропаганду этого знания. Ведь пример можно брать только с того, в чем не сомневаешься, о чем хорошо знаешь.

НЕТ СЛОВ, государство наше делает много, чтобы святая память героев осталась навеки. Но государственный подход к делам истории приобретает новое качество, окраску, когда его течение пополняется общественным энтузиазмом. Труд людей, называемых энтузиастами, награждается высоко — нашим общим признанием.

А сколько еще находок впереди! Столько же, сколько позади безымянных сражений!

Безымянные сражения... Может быть, их и не включают в курсы классических операций войн. Стратеги по ним не учатся. Но по ним порой учимся мы все. Учимся высокому духу, стойкости, верности традициям.

ОДЕССА

КАЗАЛОСЬ БЫ, ПУСТЯКОВОЕ ДЕЛО

Е. КАРПОВ

УТРО было морозным и ветреным. Яркое солнце, казалось, излучало не тепло, а колючий лучистый мороз. Я пил в своей маленькой комнатке общежития крутой горячий чай.

Вошла наша уборщица — Мария Васильевна Попова. Она пожелала мне приятного аппетита, извинилась за беспокойство и сказала, что совсем, наверно, ей не надо было идти ко мне, но решила, потому что больше, мол, идти некуда, всюду перебывала.

Живет она с мужем и тремя детишками неподалеку от Дворца культуры химиков в ветхом домишке. Несколько лет назад пришли к Поповым люди и сказали, что их завалюшка стоит восемьсот рублей, что хозяева могут эти деньги получить в кассе химкомбината, а потом им дадут и квартиру.

Поповы, разумеется, обрадовались. Получили деньги и тут же их израсходовали — в большой семье всегда достаточно дыр, которые надо заткнуть.

Израсходовали деньги и стали ждать другую обещанную радость: когда сломают их домишко и переселят в новую квартиру.

Ждали они год, другой...

И вот опять пришли к ним люди, только теперь другие, и сказали:

— Согласно новому закону, вы должны вернуть деньги, полученные за строение, или покинуть его.

— Мой муж, — продолжала свой рассказ Мария Васильевна, — инвалид Отечественной войны. Приносит домой небольшую пенсию. Моя зарплата тоже невелика. А где же взять-то восемьсот рублей?.. И с хаты уйти — куда? Тут у нас холостяку трудно квартиру найти, а с тремя-то детьми... Краевой суд утвердил решение городского. Вот и ходит судебный исполнитель. В горсовете была: потерпите, говорят, подождите, ничего, мол, пока сделать не можем...

Конечно, приятно, когда люди со своей бедой приходят к тебе, писателю, верят в твою особую силу. Очень приятно, но у меня стало тоскливо на душе...

Квартирные дела сложны и тяжелы. Ими занимаются профсоюзы, партийные и советские органы, что же еще я смогу сделать? Так я спрашивал себя и продолжал: а что касается денег, выселения — так разве я лучше разбираюсь в юриспруденции, чем работники краевого суда?

Все так. Все правильно. И все же...

Мария Алексеевна Мацепко мало похожа на судью в том смысле, что нет в ней особой судейской строгости. В ее глазах и движениях — усталость, чисто женская озабоченность, и еще — печаль.

Выслушав меня, она сказала:

— Я помню эту женщину. Жалко ее, но что сделаешь? Поповы получили деньги за свое строение двадцать седьмого декабря, а закон, запрещающий это делать, вышел пятнадцатого.

— Но разве она просила кого-нибудь дать ей эти деньги?

— Это ничего не меняет... У меня было двадцать девять таких дел, и, будто на смех, двадцать восемь оказались неправильно оформленными, и я их вернула, а Попова...

— Одна ответила за всех, — грустно заметил я и добавил: — Мне помнится, что этот закон издавался как удар по хапугам, а тут получилось...

Мария Васильевна невесело усмехнулась.

— А скажите, кто мог бы помочь Поповым? Можно это как-нибудь уладить?

— Конечно, можно. Зайдите в горком или в горисполком. Поговорите в химкомбинате. Пусть они отзовут свой иск — и все.

Шел я в горисполком и думал: хорошая женщина Мария Алексеевна — умная, добрая и даже чувствительная, но почему-то не сделала она этого последнего нужного шага, хоть и знала, как и куда «шагнуть».

Председатель горисполкома Александр Александрович Нелепов — статный, высокого роста мужчина, с мягкими, приятными манерами обращения.

Рассказал я Александру Александровичу, зачем пришел, он хохотнул, укоризненно покачал большой красивой головой и пожурил:

— Ах, дорогие товарищи, было время, когда судьи жаловались, что руководители вмешиваются в их судейские дела, нарушают независимость суда, а теперь — пожалуйста, опять нехорошо — не даем им ценных указаний. Не-ет, так дело не пойдет...

Кабинет председателя обставлен хоть и несколько старомодно, однако, строго, со вкусом. Но чем больше я слушал Нелепова, присматривался к нему, к вещам, окружающим его, тем больше мне казалось, что на всей здешней простоте и строгости есть налет какой-то казенной холодноватости. Совсем легкий налет, едва уловимый.

— Понятно, восемьсот рублей для комбината не деньги. И главное, с кого берем?.. Вы правы, что наши законы направлены прежде всего на создание благ честным советским труженикам. Пусть комбинат отзовет свой иск, а насчет квартиры Поповым мы позаботимся. Правда, у нас с жильем очень и очень трудно. До того трудно, что дальше некуда, но Поповым сделаем.

— А вы не хотите сами позвонить директору комбината?

Он сморщился, словно от зубной боли, пожал плечами:

— Могу, конечно, однако...

— Да, и в самом деле не стоит, — перебил я Нелепова, — сегодня буду у директора и поговорю с ним сам.

Он облегченно вздохнул. Не так облегченно, будто гора с плеч, а вроде бы от назойливой мухи избавился, и сказал, будто выдавая мне награду:

— Конечно, вам проще. И великое дело сделаете...

— Это еще ничего, — сказала юрист химкомбината, — вернее, плохо, но бывает и хуже... Однако хлопотать за Поповых не стану. Директор сам решения принимает, ни у кого не спрашивает.

Вышел я из заводоуправления и сел на скамейку.

Спал занесенный снегом фонтанчик, зябли на ветру голые деревья.

Настроение у меня было отвратительное. Решил пойти к директору комбината. Позвонил ему из фойе управления. Он выслушал и устало сказал:

— Прошу извинить, но у меня сейчас совершенно нет времени... Да и вообще по роду вашей деятельности вам ближе партком. Извините. До свиданья.

— Спасибо за совет, — резко ответил я, положил трубку и пошел в партком.

Пока пересекал площадь, сердито стуча каблуками по обледеневшему асфальту, пока поднимался на второй этаж, обдумывал, как буду говорить с секретарем парткома Эдгартом Ивановичем Гущиным. Скажу: «Частенько вашего брата мы изображаем мудрым, смелым, вездесущим и прочее, так что давай, будь положительным, помогай».

Поднялся на второй этаж, вошел к нему в кабинет и именно так и сказал. Он выслушал, лукаво улыбнулся. Помедлил немного, подумал, барабаня пальцами по столу, а потом ответил, легонько, по-северному окая:

— Уж если вы нас такими выдумали, так вам бы и действовать за нас. Я-то — не мудрый и не смелый. Как говорят, робкий начинающий партийный работник. Со временем, возможно, и стану похожим на твою выдумку, но если сказать честно, — не хочется. Скучно больно это.

Я не мог понять: шутил Гущин или говорил серьезно. А он все посматривал лукаво, косил узким глазом.

— Ну, да уж ладно, — улажу. Дело-то на восемьсот рублей, а волокиты, переписки разной, поди, на всю тыщу наберется... Сделаю.

Гущин сдержал свое слово. Иск отозван, семья Поповых в ближайшее время получает квартиру. Оказывается — дело выеденного яйца не стоит. Впрочем, как же тут получается? Дело пустяковое, а судебный исполнитель ходил, председатель горисполкома, судья, юрист химкомбината помочь не смогли. В чем же дело? Были бы в этой истории замешаны холодные блюстители закона, равнодушные люди — другое дело. А то ведь люди-то хорошие, добросовестные. А вот — пустяка, какой-то капельки, толчка со стороны им не хватило, чтобы сделать доброе дело. Задумаешься тут...

Мешок пшеницы сильному человеку легче взвалить на спину и перенести на какое-то расстояние, чем ту же пшеницу на то же расстояние переносить по зернышку — ведь это миллионы почти пустых, нудящих ходок, от которых можно сойти с ума.

Большая истина складывается из крупинок. А мы частенько, пренебрегая маленькими делами, мелочами, рассуждаем приблизительно так:

— Каплями моря не вычерпаешь.

— Сор метлой мести, а не по соринке собирать.

Говоря так, мне кажется, мы в этом случае проявляем и гражданскую робость, и непозволительное пренебрежение к так называемым мелочам. И как часто, гневаясь на бюрократа, занимающего высокий пост, мы равнодушно проходим мимо таких вот проявлений мелкого, что ли, бюрократизма. А вреда от него немало, ох, немало.

Интервью

В ЭКСПЕРИМЕНТЕ УЧАСТВУЕТ ЦЕЛЫЙ ГОРОД

Читатели «Литературной газеты», вероятно, помнят опубликованные у нас статьи о гипнопедии — обучении во время естественного сна. До недавнего времени этот метод не выходил за рамки лабораторных опытов. «Оружием» исследователя был магнитофон, а аудитория состояла из нескольких человек. Но если прибегнуть к помощи радио, то границы аудитории можно раздвинуть почти беспредельно. Именно такой эксперимент проводится сейчас, впервые в Советском Союзе, — для начала в масштабах одного города. Город этот — известная всем Дубна. У нашего корреспондента состоялась беседа с учеными, принимающими непосредственное участие в осуществлении дубненского эксперимента, кандидатом медицинских наук В. ЗУХАРЕМ и научными сотрудниками Н. ПУШКИНОЙ Ю. МАКСИМОВЫМ.

— Какие задачи вы ставите перед собой?

— Эксперимент, проводимый в Дубне, конечно, имеет практические цели: мы хотим дать учащимся известный запас английской лексики и некоторые разговорные навыки. Но на данном этапе всех я первую очередь будет интересовать научное значение опыта, проверка эффективности гипнопедического метода при работе с большой аудиторией.

Мы уже рассказывали читателям «Литературной газеты» о научных основах гипнопедии * и не станем повторяться. Заметим лишь, что за этот год исследователи вели работу по дальнейшему уточнению: нановы должны быть оптимальные режимы подачи информации во время естественного сна. Сейчас мы считаем, что наибольший эффект дает сравнительно короткий период: предсонное состояние (от 15 до 30 минут до засыпания) и поверхностный сон (20—30 минут). Дополнительные медицинские и психологические наблюдения еще и еще раз подтвердили полную безвредность гипнопедического метода.

Наши выводы были подтверждены и развиты интересными исследованиями целого ряда ученых. В Москве работают над этой проблемой профессор В. Вахмистрова, С. Мельник, Э. Леон, Л. Малов, Э. Ушакова... Программы уроков для Дубны были подготовлены кандидатом филологических наук Л. Близниченко, преподавателями М. Дворжецкой и Б. Жебелевым.

— Какими же специфическими особенностями отличается эксперимент в Дубне?

— До сих пор учащиеся, на которых испытывался этот метод, находились в специально оборудованных спальных комнатах, за ними велось постоянное и непосредственное наблюдение. Преподаватель знал своих учеников, их сильные и слабые стороны. Теперь близкого контакта с аудиторией нет, да и сама аудитория сильно отличается от тех, с которыми исследователи гипнопедии привыкли иметь дело.

С помощью общественных организаций Дубны, а также сотрудников местного радиовещания, была проведена большая предварительная работа, разъяснившая цели эксперимента, методические приемы обучения во сне, необходимые медицинские требования.

Жители города, в том числе видные ученые, такие, например, как Г. Н. Флеров, отнеслись к начинанию с огромным интересом и сочувствием. К нам поступило около трех тысяч заявлений, нередко приходили целые семейные петиции...

Эти заявления были нужны нам, чтобы составить себе общее представление о контингенте учащихся. Как и следовало ожидать, разнообразие состава способно удовлетворить самого придирчивого экспериментатора: в обучении по радио принимают участие лица от 18 до 50 лет, самых различных профессий, живущие в самых разных бытовых условиях и с самыми разными уровнями знания языка. Многие никогда не изучали английского.

Мы отобрали контрольную группу — свыше 100 человек, — за которой будут вестись постоянные наблюдения до конца эксперимента...

— Простите, а когда он кончится?

— Курс рассчитан примерно на два месяца — до середины февраля. Мы считаем, что результаты индивидуального и анкетного исследований контрольной группы позволят сделать обоснованные выводы о возможности и целесообразности обучения по радио в широких масштабах.

— Можно ли уже сделать какие-либо выводы?

— Конечно, говорить об успехе эксперимента еще рано, хотя есть и обнадеживающие сведения. Многие сообщают о хорошем усвоении материала, временами даже и собственному удивлению, но, повторяем, подводить итоги преждевременно, подождем до февраля.

— Будем надеяться, что тогда «Литературная газета» сможет подробнее рассказать читателям об этом эксперименте. Желаем вам полного успеха в вашей деятельности.

* См. статью И. Пушкиной и В. Зухаря «Гипнопедия — это реально» («Литературная газета», № 25 от 27 февраля 1965).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Разрешите мне через «Литературную газету» сердечно поблагодарить все организации, товарищей, читателей, тепло поздравивших меня с 60-летием и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ДИПЛОМ НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Большой популярностью у москвичей пользуется Народный университет литературы при Центральном Доме литераторов. Труженики заводов и фабрик столицы, учителя, библиотекари, научные работники слушают здесь лекции известных писателей, критиков, литературоведов, деятелей искусств.

Недавно Народный университет литературы Центрального Дома литераторов за успехи в постановке учебно-воспитательной работы, широкое развитие общественных начал и активное участие во Всесоюзном общественном смотре народных университетов награжден дипломом первой степени всесоюзного общества «Знание».

Николай РЫЛЕНКОВ — *РАССКАЗ*

СЕРЕБРЯНОЕ ЧУДО

ЮНОСТЬ быстра на подъем и легка на ногу. Когда мне было шестнадцать лет, я мог в самые короткие зимние дни после субботних уроков один отправиться в свою деревню и отмахать пешечком двенадцать верст только ради того, чтобы лишний раз увидеть серебряное чудо лесных сумерек.

Возможность быть застигнутым в дороге непогодой меня не пугала. Как раз на середине пути, в самой глухомани, стояла лесная сторожка, где всегда можно было отдохнуть, обогреться, а при нужде и заночевать, даже если хозяина не оказывалось дома.

Знакомый лесник Федор Нестеров указал мне потайное местечко, куда он прятал ключи, уходя в обход.

Боясь заслушаться разговорчивого лесника, знавшего огромное количество всяческих былей и небылиц, я заставлял себя без оглядки проходить мимо сторожки, заворачивал в нее только тогда, когда не нужно было торопиться, но охотно пользовался ею для успокоения своих родичей, не одобрявших моих поздних прогулок. Не одобряла этих прогулок и та насмешливая девчонка, с которой я во время скучных уроков перебрасывался записками. Звали ее Лидой. Худенькая, рыженькая, чем-то похожая на белочку, была она одних лет со мной, но держалась среди своих ровесниц как старшая и посматривала на них со снисходительной улыбкой. Однако именно к ней подружки шли со своими признаниями — и радостными, и грустными. Лида обладала редкостным умением не только выслушивать, но и хранить чужие секреты. А в этом юность нуждается, вероятно, даже больше, чем в сочувствии. На этом подружился с Лидой и я.

За умение слушать и дослушивать все до конца, не поддакивая, но и не перебивая, я прощал ей многое, в том числе и ее, как мне казалось, излишнюю рассудительность, рассудительность не по возрасту.

Как я уже сказал, к моим поздним прогулкам, прозванным ею хождениями за три леса, Лида относилась неодобрительно, считала их мальчишеским оригинальничанием, рискованным чудачеством.

Выслушав мой неумеренно восторженный рассказ об очередном хождении, она говорила:

— Прелестно. Восхитительно. Серебряный колокол луны. Хрустальные купола деревьев. По чуть присыпанной снежком дороге идет очарованный путник. В глазах у него рябит, но он все замечает очами своей души. До чего ж красиво! Прямо как в сказке. Для завершения сюжета не хватает только одного — чтобы к ночи поднялась вьюга, очарованный путник сбился с дороги, набрел в чащобе на медвежью берлогу, провалился в нее и проспал в обнимку с Михаилом Ивановичем Топтыгиным до утра. Пока этого не случился, ты просто не можешь успокоиться. Ну так вот, я ручаюсь тебе, что ничего необыкновенного не произойдет. Медвежьи берлоги в наших местах давно опустели, и все твои хождения кончатся самой обыкновенной простудой и воспалением легких. Может быть, крупозным.

— Фу ты, какая проза, — смеялся я. — Серебряный колокол — и простуда. Хрустальные купола — и воспаление легких. Это только ты со своей рассудительностью и могла придумать.

— А чего же ты хотел от меня, — отвечала Лида. — У меня ведь отец фельдшер. Кстати сказать, ты напрасно думаешь, будто я зимний лес видела только издали. Я с отцом ездила к больным подальше, чем за двенадцать верст. А он у меня такой: по делу поедет в любую погоду, не спрашивая, далеко ли ехать, а без дела в непогодь и за околицу не выйдет. Мои старшие братья подсмеиваются над ним, а я считаю, что он прав. Нечего показывать, что тебе всякий сугроб по колено, когда в этом нет никакой нужды. Мне, честное слово, смешно слушать, как ты расписываешь свои хождения...

В юности мы не обидчивы и даже не прочь посмеяться над собой, над тем, что мы делаем от избытка сил. Не обижался и я на Лиду, по каждому поводу вышучивавшую мои поздние прогулки, хотя отказываться от них вовсе не собирался. Я даже немножко поддразнивал ее, нарочито густо расцвечивая свои рассказы придуманными на ходу неправдоподобно яркими подробностями. Она их тут же подхватывала и, как говорится, выворачивала наизнанку. Это становилось своеобразной игрой, игрой с подтекстом, увлекавшей нас обоих. И кончилась она совершенно неожиданно, во всяком случае, — неожиданно для меня.

Утром в один из субботних дней, незадолго до зимних каникул, Лида вдруг спросила меня:

— Послушай, ты не собираешься сегодня совершить свое хождение за три леса?

Услышав мой отрицательный ответ, она отвернулась и вздохнула:

— Жаль. Погода сегодня самая подходящая. Такого чудесного инея еще не было с самого начала зимы. Вот когда можно увидеть в лесу настоящее серебряное чудо, особенно при луне. А сейчас как раз полнолуние.

— Постой, постой, — удивленно воскликнул я, — это у тебя что-то новое. По-моему, ты начинаешь путать игру.

— Да нет же, ничего я не путаю, — уже совсем серьезно сказала Лида и взяла меня под руку. — Почему бы тебе и впрямь не прогуляться сегодня? Ты этим окажешь мне огромную услугу. Дело в том, что одной девчушке-семикласснице нужно обязательно пойти домой за коекакими справками, а живет она верстах в трех-четырех от твоей деревни, вернее, за твоей деревней, на каких-то там хуторах. Отпустить ее одну, как ты сам понимаешь, я не могу.

— Вот теперь мне все ясно, — засмеялся я. — С этого и надо было начинать. Ты помоги ей собраться, а о серебряном чуде мы поговорим потом.

Оказалось, что девчушка, которую я взялся провожать, жила на квартире вместе с Лидой, но я как-то не обращал на нее внимания. Такая она была тихая, неприметная. Мне даже не запомнилось ее имя, хотя до сих пор осталась в памяти фамилия — Амелина. По всей вероятности, все окружающие называли ее почему-то только по фамилии.

Вышли мы с ней сразу после обеда, примерно часа за два до захода солнца.

Привычный к ходьбе, я не торопясь добирался до своей деревни за четыре часа, но теперь, оглядев спутницу, одетую в тяжелое пальто и валенки, закутанную в теплую шаль, понял, что раньше полуночи нам едва ли дойти.

Словно угадав мои мысли, девчушка начала уверять меня, что быстрой ходьбы она не боится, вот только по лесу одна не решается пойти вечером.

— Лида знает, какая я трусиха, потому и попросила вас. Мне ужасно неловко перед вами.

— А ты, Амелина, поменьше думай об этом, легче будет идти, — посоветовал я. Девчушка примолкла и убыстрила шаг. Мне стало жалко ее, захотелось чем-нибудь порадовать, и я спросил: — Тебе приходилось хоть раз видеть солнце с ушами?

— Никогда в жизни! А разве и вправду бывает такое? Я думала, что это только бабьи сказки.

— Ну, значит, и в бабьих сказках есть правда. Вот посмотри на солнце. Оно сейчас, на твое счастье, как раз ушастое.

Она недоверчиво повернулась, запрокинула голову и от удивления раскрыла рот.

По сторонам солнца, почти соприкасаясь с ним, и в самом деле виднелись два небольших просвечивающих круга, очень похожие на уши.

— Этот фокус природы в народе называют пасолнца, что значит — пасынки солнца, — объяснил я. — Появляясь рядом с ним, они предвещают ясную, безветренную погоду. Летом жару, а зимой мороз. Как видишь, нам сопутствуют добрые приметы. А ты говоришь, что тебе неловко...

Девчушка сразу повеселела и посматривала на меня так, словно это я сам вызвал на небо пасолнца, чтобы показать ей солнце с ушами. Она, видимо, стеснялась приставать ко мне с пустыми разговорами, но все-таки не утерпела и спросила, откуда я знаю, какую погоду сулят пасолнца.

(Окончание на 4-й стр.)

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

ИСПОВЕДЬ СЫНА ВЕКА

Вера СМИРНОВА

ЧЕЛОВЕК думает о счастье. С детских лет он привык к мысли, что принадлежит к счастливому поколению родившихся после Октября. Он гордится отцом, погибшим в бою с басмачами. Он не чувствует себя сиротой, потому что страна заботится о нем. Он верит, что перед ним открыты все дороги. Он учится в школе и пишет сочинения на тему «Счастливое детство». Он даже заносчив в своей юной самонадеянности, и когда кто-то постарше пытается уверить его, что он не знает, что такое счастье, юноша отвечает гордо: «В наш век...». «Ты еще не встречался со своим веком, малыш!»,— говорят ему. Но об этом он вспомнит только через много лет. А пока он кончает школу, и все вузы открывают перед ним двери. Он может выбирать. Его молодой республике нужны самые разные профессии.

Такое было время, с которого герой новой книги Аскада Мухтара «Время в моей судьбе» начинает свою исповедь. «...Это не мемуары,—говорит писатель в маленьком лирическом вступлении к повествованию. — Это попросту книга судьбы и раздумий. Иногда пространная, иногда отрывочная, а кое-где, вероятно, и сбивчивая повесть трех времен».

Три времени — три тетради дастана. Юность героя, война, плен; послевоенные годы — освоение пустыни; наши дни — работа за рубежом, в неведомой стране, только что добившейся независимости, где с помощью Советского Союза строится большой завод. Герой Аскада Мухтара — молодой узбек, по-видимому, ровесник и земляк самого писателя. С полным основанием автор мог назвать свою книгу «исповедью сына века».

Читая книгу Аскада Мухтара, я думала прежде всего о том, как изменились люди в нашей стране. Иногда ведь приходится слышать сетования на то, что вот неимоверно выросла техника, наука сделала гигантские шаги, земля и небо стали другими, а люди, к сожалению, остались во многом те же, что были. Нет, мы просто не умеем вспоминать и сравнивать. И может быть, ярче всего перемены ощущаются в краях нашей земли, некогда очень отсталых.

Когда я читала «первую тетрадь» дастана о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, об узбеках на этой войне, я невольно вспомнила весну и лето 1916 года, третьего года первой мировой войны, когда в Туркестане была объявлена «мобилизация туземного населения на тыловые работы». Аскада Мухтара и его героя тогда еще не было на свете, но в Фергане, на его родине, это вызвало страшные волнения в народе, вылившиеся в знаменитое восстание 1916 года. Помню рассказы моего отца, работавшего тогда в Старом Маргелане, как на Урде, на городской площади, толпа разорвала в клочья нескольких аксакалов, объявлявших списки мобилизованных,— и три дня и три ночи над Маргеланом стоял женский плач... А муллы призывали мусульман объявить «газават» — священную войну против русских. Потом пришли карательные отряды царских генералов, и тысячи узбеков, таджиков, казахов были погружены в поезда и отправлены на запад и на север — без военного обмундирования и оружия, в своих открытых всем ветрам халатах и с кетменями в руках...

Минуло двадцать пять лет, и узбекская молодежь, комсомольцы, студенты пошли добровольцами на войну с фашистами, пошли в военные училища, как герои Аскада Мухтара — Ахмаджан и Мадали Касымов, воевали плечом к плечу с русскими, украинцами, со всеми, кто живет в нашей стране, и — главное — воевали сознательно и убежденно. У героев Аскада Мухтара нет и тени отчужденности, национальной обособленности или ощущения неравенства, — есть одно боевое братство, солдатское товарищество людей, призванных защищать родную землю.

«Военная тетрадь» Аскада Мухтара и по тону, и стилистически близка нашей военной прозе последних лет. Традиционно патетический, цветистый язык первых страниц книги с наивными рассуждениями героя о счастье, о любви, с восторженными описаниями девушек, со всем эгоизмом «счастливой юности» меняется уже со второй главы, становится строже, проще, сдержанней. Отрывочно, иногда сбивчиво, как признает сам автор, но правдиво и искренне рассказывает герой романа о войне, о боях и утратах, о встречах с пленными фашистами, о своих переживаниях на фронте, о солдатах, о простых русских людях, с которыми ему *тепло и легко* даже в те минуты, когда смертный страх леденит сердце. «Между прочим, не такие уж простые мы с вами люди...— замечает он.— Уверен, что в нашей жизни есть нечто такое, от чего души людей грядущего станут хотя бы чуть светлее и сердца чуть смелее».

Веру в людей герой Аскада Мухтара сохраняет и в немецком лагере, куда он попадает тяжело раненный. Здесь он проходит трудную школу мужества, воли к подвигу и ненависти к предателям. В лагере действует подпольная организация, вспыхивает восстание, и Ахмаду удается бежать к партизанам. Дальше мы застаем его уже в дни победы — *в госпитале*.

Гул войны утих, можно наслаждаться тишиной, а «тишина говорит с каждым человеком на его родном языке»,— устами своего героя уверяет автор: «Значит, здешняя тишина разговаривает со мною по-узбекски». Это признание трогательно и напомина*ет*, что перед нами не только советский офицер, вырвавшийся из фашистского ада, партизан, тяжело контуженный в голову, но и совсем молодой узбекский парень.

Но в эту тишину, «говорящую по-узбекски», врывается вдруг чужой голос, который заставляет насторожиться Ахмада: с ним в палате — американский офицер, капитан Макуэлл. Впервые встречается Ахмад с человеком Запада: недавний союзник в борьбе с фашизмом, самоуверенный и самодовольный, небрежно благожелательный, бизнесмен в военной форме, он вызывает в Ахмаде сначала любопытство, потом разочарование, раздражение. И сразу начинается *спор*. Не просто спор — холодная война!

Можно упрекнуть писателя в том, что он несколько опередил время, слишком заострив спор Ахмада с Макуэллом, слишком обнажив то, что еще не так было ясно в самые первые дни победы. И не слишком ли наивны и прямолинейны эти разговоры? И не слишком ли прозорлив Ахмад, сразу понявший, что этот сильный, красивый, миролюбивый на вид бизнесмен и *есть настоящий* враг, который «вписан в его судьбу еще до его рождения»?.. Но перед нами не объективный эпический рассказ, а страстная исповедь, повествование «от первого лица», рассказчиком движет определенная задача, мысль, которая ему не дает покоя. Мы понимаем его волнение и можем простить сюжетные неувязки, бессвязность. Есть что-то очень дорогое и важное в этой «истории нашего современника», рассказанной узбекским писателем, что заставляет меня признать книгу «Время в моей судьбе» значительным событием в узбекской литературе.

Если уж говорить о том, что мне кажется художественно неубедительным в книге Аскада Мухтара, — это любовная линия, проходящая через все три тетради: Ахмад любит девушку по имени Сунагуль, а она любит своего учителя геолога Мадали Касымова. Они работают вместе в экспедиции в Кзылкумах, ищут нефть в пустыне, они оба идут на фронт, она оказывается рядом с ним, когда он погибает от фашистской пули. Она сохраняет тетрадку с какими-то его таинственными записями, за которыми почему-то охотятся эсэсовцы, она даже решает выучить наизусть эти записи, чтобы они не пропали. Потом, после войны, она восстанавливает записи Мадали, и *они помогают* Ахмаду и Сунагуль обнаружить месторождения нефти. Долгое время Сунагуль считает своим долгом хранить верность Мадали, но любовь Ахмада в конце концов побеждает, и Сунагуль становится его женой. Надо сказать прямо, что и вся интрига с тетрадкой имеет какой-то наивный приключенческий привкус, и как ни старается рассказчик воспеть свою героиню, используя традиционные цветы восточного красноречия, характера не получается. Да и приходится признать, что вплетена эта любовная линия в книгу искусственно.

«Третья тетрадь» переносит нашего героя вместе с другим советским инженером — русским — на стройку завода в чужую страну. Рассказчик подробно и даже несколько назойливо рисует ее экзотические красоты. И, может быть, оттого, что есть лишь какое-то «обобщенное» изображение некоего восточного государства, добившегося политической независимости, но еще остающегося в плену у иностранного капитала, — эта последняя часть книги словно прикрыта какой-то полусказочной дымкой. «Третья тетрадь» написана иначе, чем две первые, и не только потому, что материал экзотичен. Здесь чувствуется больше книжных влияний, чувствуется, что автор, так сказать, *лично* не знает материала, и потому реалистическое перо писателя местами утрачивает силу и правдивость.

Тем не менее «судьба и раздумья» Ахмада *продолжают* нас интересовать и в этой обстановке: думается, что и автору они были важнее всего. Спор, начатый когда-то с Макуэллом, *теперь продолжается* с мистером Стенли, фактическим хозяином промыслов, около которых строится завод. Ахмад видит, что хотя он — советский инженер, для мистера Стенли он, в сущности, тот же «туземец», что и работающие у него на промыслах, и если бы не дипломатическая необходимость, Стенли не стал бы сидеть с ним за одним столом. Это подмечено автором тонко.

Автор заключает книгу словами о счастье. Герой нашел свои «счастливые времена»: «это самые тяжелые времена моей жизни. Но я не сожалею, что пережил их... В пути мы потеряли много сил, но были *они* истрачены не напрасно».

Перефразируя героя, можно сказать: и не напрасно была написана эта книга, эта исповедь раздумья Аскада Мухтара и его героя над прожитыми годами не могут оставить читателя равнодушным. Несмотря даже на некоторую их прямолинейность, простодушную горячность, наивность.

Аскад Мухтар написал роман свободно, правдиво, с удивительным доверием к своему герою. Оттого и нам тоже хочется ему верить.

А. Мухтар. «Время в моей судьбе». Роман. Авторизованный перевод с узбекского В. Василевского. «Звезда Востока», №№ 8, 9, 10. 1965.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Вс. ВОЕВОДИН

ИМЯ Вадима Андреева стало нам известным всего лишь два года назад, после выхода книги его воспоминаний об отце — покойном писателе Леониде Андрееве. Мемуарная повесть «Детство» получила читательское признание. Тут дело не только в нашем интересе к личности Леонида Андреева. Книга, написанная его сыном, сама по себе представляла *образец* отличной русской прозы. Обстоятельство это радовало и удивляло: ведь автор, о чем мы узнавали с его же слов, подростком оказался по ту сторону рубежа — на годы, на десятилетия, и уже только пожилым человеком вновь прошел по тропкам своего детства. Вадим Андреев пишет о себе сам: «...меня приводило в ужас, что дочь Герцена не говорила по-русски; я писал стихи и прозу, но только на своем родном языке; написать статью по-французски мне казалось изменой. Все это было, быть может, наивно, но «высокая болезнь», как я называл мою любовь к родине, была неизлечимой — на всю жизнь» Писателям старшего поколения, по тем или иным причинам оказавшимся в эмиграции, не грозила опасность с годами разлуки утратить чувство родной речи, им грозили другие утраты, другой духовный ущерб. С подростками — иначе. Но Вадим Андреев, человек, выросший за границей, сумел сохранить нравственную связь с **родным словом.**

Но «Детство», повторяем, книга воспоминаний, а, если память не изменяет, еще Пушкин говорил, что на одних воспоминаниях литературы не построишь. И нельзя было рассматривать Вадима Андреева как писателя только по его мемуарам при всех их несомненных художественных достоинствах.

И ВОТ — новая работа, на этот раз роман «Дикое поле».

Герой романа Павел Осокин после гражданской войны оказался на чужбине, во Франции. Автор делает акцент на полном одиночестве героя. Больше того, герой как бы обречен на одиночество, на абсолютную замкнутость в себе, в своем внутреннем мире. Его самоограничение во всем — в желаниях, в надеждах, в интересах — не только обусловлено обстоятельствами, но еще *как бы задано собственной волей*, представляет некую выработанную жизненную программу. Осокин, таким, каким его застала в Париже вторая мировая война, может служить подтверждением экзистенциалистских теорий об антитезе личность — общество. Герой романа учился в Сорбонне и недоучился, ушел рабочим на завод, чтобы не идти путем «бессмысленных восторгов и мелких надежд», отстался наедине с «самым главным» — с той «огромной пустотой», которую он носил в себе.

Любовь? Последняя была давным-давно, от нее осталось лишь зрительное воспоминание о синих лайковых перчатках, брошенных на стол, — женщина приходила и уходила и унесла надежды. Книги? Если книги, то лишь дешевое рыночное чтиво, отвлекающее от действительности. Главное — в отвлечении, равно как от настоящего, так и от прошлого. Даже сны — чем «неуловимее был сон», «тем спокойнее и равнодушнее переносил он окружающую его жизнь». «Выжженность в душе» — вот что носит, что сам в себе видит человек.

Казалось бы, настолько далек нам подобный человеческий образ, что повествование о нем, развернутое в целый роман, должно было бы пройти для нас бесследно. Однако этого не случилось.

Рассказу об опустошенной до предела человеческой душе Андреев *сообщил* чрезвычайную динамику. Когда разразилась военная катастрофа, в тяжкие годы оккупации, одинокий, сознательно воспитывающий в себе равнодушие, почти не реагирующий на окружающее, не сросшийся с чужой ему средой человек, — а к сорока своим годам на чужой земле Осокин продолжает чувствовать себя чужеземцем,— вновь находит свое место в жизни. *Сполна возвращает себе* способность любить и ненавидеть, находить радость и смысл в труде, **в борьбе.** Последнее-то все и решает в его нравственном воскрешении.

Нам еще не ясно, как сложится судьба этого «отчужденного» человека, когда на своем велосипеде он движется по дорогам Франции на юг в потоке беженцев, уходящих под натиском гитлеровских армий. Бегством Осокина скорее движет *инстинкт*, неосознанный страх, нежели доводы сердца и рассудка. Мы не можем предположить, чем обернется для него встреча с молодой русской эмигранткой Еленой Сергеевной и ее маленькой дочкой Лизой. Мать гибнет от разрыва авиабомбы. Теперь на побережье Атлантики, на острове Олерон, Осокин продолжает свой путь с четырехлетним, случайно подобранным в пути ребенком на руках, — *первое и* добровольное бремя ответственности за чужую судьбу, первая трещина в «отчуждении».

Повествование развивается медленно. На острове, оккупированном гитлеровцами, герой не выходит из своего одиночества, если не считать крохотное и такое же одинокое *человеческое существо, случайно* вошедшее в его жизнь, — Лизу. Но если прежний труд на заводе был лишь необходимостью для того, чтобы как-то тянуть свое существование, труд на «диком поле» — заброшенном участке земли — не только необходимость, но и радость. Да, в этом «возвращении к земле» (там, далеко, в полузабытом прошлом, в детстве, семья Осокина — семья сельского учителя) таится странное противоречие: это все еще труд для себя, лишь на себя, и будущее непроглядно едва ли не по-прежнему, в нем не видится ни смысла, ни цели (если не считать ребенка). Но в том, как дикий клочок земли, ценой страшных усилий, начинает цвести и плодоносить, есть намек на счастье. И призрачное это счастье особенно ощутимо по контрасту с той тенью, которая легла на все вокруг, — *гнет* оккупации, смерть, война.

Вступление Осокина в ряды участников Сопротивления происходит совершенно естественно. Приход этот опять-таки подсказан не доводами рассудка, нет, это вторичное, а корни его скорее в эмоциональной сфере. Ожили некоторые связи с жизнью,— пришла любовь к ребенку, нечаянно, в трагических обстоятельствах, *труд обрел радость*, — и связи укрепились, расширились, у человека как бы вновь открылись глаза на мир.

СОБСТВЕННО, духовное воскрешение Осокина могло бы и остановиться на этой вот обретенной любви, заполнившей пустоту его жизни, на радости созидательного земледельческого труда. В этом случае не так уж значителен был бы душевный сдвиг, то новое, что властно вторглось в душу человека-одиночки. Одиночество по-прежнему оставалось бы одиночеством, личность — по-прежнему замкнутой в себе, любовь и труд — *лишь* вариацией все того же бегства от жестокой действительности. Так не происходит в романе. Сдвиг куда шире. Его собственная, осокинская судьба, судьба приемыша сливаются в сознании героя с судьбами таких же, как он, простых, захлестнутых враждебной им действительностью людей труда. Новые знакомцы Осокина, а в дальнейшем его боевые товарищи — коммунист-подпольщик Фред и те, кто стоит с Фредом плечом к плечу. Он знал их (то есть коммунистов) еще и прежде, в бытность свою заводским рабочим, и без любопытства, равнодушно, впрочем, отдавая должное их энергии, их последовательности в защите рабочих интересов, проходил мимо. Теперь Осокин идет за ними, идет с ними, не может не идти, потому что отстоять свое будущее, отстоять свою воскресшую для жизни душу можно только в содружестве с такими людьми, в единстве с ними, в самоотвержении, в борьбе.

И тогда возникают еще более глубокие связи. Та грандиозная битва, что идет далеко на Востоке, на полузабытой с детских лет родине, становится **своим** делом, кровным делом. Апатрид, рядовой боец Сопротивления на чужой земле, становится участником борьбы своего народа за будущее, за его судьбу. Она у них одна, судьба.

«Дикое поле» написано в *спокойной, по-хорошему* традиционной манере, без надрыва, без излишнего усложненного психологизма, — опасность, которая могла бы подстерегать автора с его героем, ушедшим в себя. Читаешь главы о толпах беженцев, запрудивших дороги Франции в дни катастрофы, и вспоминаются страницы из Л. Толстого, когда наполеоновские полчища перешли Смоленск, и эти отголоски не смущают нимало, как никогда нас не смущает добрая традиция, сопряженная у художника с собственным видением мира. И многочисленные описания природы — прекрасной природы атлантического приморья, изменчивых просторов океана, которыми насыщено повествование, — описания эти, *опять-таки по-толстовски*, в романе не сами по себе, нет, в них и через них раскрывается нам все ширящаяся, все более и более тянущаяся к жизни душа человека-одиночки, травмированная и, однако, в глубинах своих здоровая и цельная душа.

В *«Детстве»* Вадим Андреев много пишет о писателе отце. Трагическое, смятенное, полное противоречий мировоззрение Леонида Андреева органически находило свое выражение в его писательской манере, в человеческих образах, в его героях, мятущихся, *изломанных, поспешивших* в себе хаос. Можно было ожидать, что и на творческой манере Вадима Андреева скажутся эти влияния, эти своеобразные особенности таланта его отца, которыми он был как бы облучен еще в детские годы. Нет, жизнь *оказалась сильнее*. Она научила писателя широкому охвату явлений внешнего мира, научила спокойствию. Да, спокойствию и изображении человека, и не в ущерб и не в умаление страстей, им движущих.

В «ДИКОМ ПОЛЕ» писатель рассказывает о человеке *трудной* судьбы, который в годы военных испытаний находит себя, находит свои ясные жизненные цели. Это, разумеется, не утверждение войны как некоей нравственной школы, — один из постулатов упадочнической философии антагонистического нам мира. В «Диком поле» война — зло. Но благо — борьба против нее, беспощадная, самоотверженная, в которой человек высоко поднимается духом в содружестве и в единстве с себе подобными. «Дикое поле» Вадима Андреева, писателя, выросшего и развившегося за рубежом, в этом и главном смысле целиком принадлежит именно нашей литературе.

Вадим Андреев. «Дикое поле». Роман. Журнал «Звезда», №№ 7—9, 1965.

Эпос о храбром Оле

Р. САМАРИН

«—ВОТ он лежит: не черт и не ангел, просто человек», — потрясенно бормочет мудрый землепашец Карл Крюгер, стоя с шапкой в руках над трупом своего друга Оле Ханзена, Оле по прозвищу Бинкоп — Пчелиная голова. Так заканчивается роман выдающегося немецкого писателя наших дней Эрвина Штриттматтера.

Просто человек! В тексте романа эти слова звучат почти по-шекспировски: человек он был, Новый Человек, бесстрашно боровшийся за укрепление социалистического общества, за социалистические отношения между людьми в родной деревне. «Я тоже партия», — отвечает Оле на упрек в том, что он якобы не считается с партийным руководством, и это *глубоко верно*: вся его деятельность в родном углу, в тихом Блюменау, ставшем ареной ожесточенной борьбы между старым и новым, глубоко партийна и поэтому человечна.

О книге Штриттматтера много спорили и спорят. Советский критик Александр Дымшиц отметил, что в ней вырисовалось признание большой творческой победы, одержанной писателем в его новом романе. Можно сказать с уверенностью, что «Оле Бинкоп» — не только победа Штриттматтера, но и новое значительное достижение литературы социалистического реализма в мировом масштабе. Это одна из тех книг, в которых со всей очевидностью сказалось животворное веяние XX съезда КПСС. Художник подлинно партийный, отличный человековед в горьковском смысле этого слова, Штриттматтер создал произведение, замечательное не только характером конфликта, но и мастерством, с каким в повести воплощены и обобщены важные проблемы современности, волнующие писателей мировой социалистической системы.

Изображая свой малый мир, живописуя землепашцев, трактористов, птичниц, дровосеков, Штриттматтер все время напоминает о том, что Блюменау, лежащее среди лесов и торфяных полей, — частица всей современной жизни, «красная точечка» на боку «наливающегося яблока». Вести о колхозе, сколоченном по инициативе Оле Ханзена где-то в глухой провинции Германской Демократической Республики, становятся достоянием широчайшей гласности: их эхо перевернет и превратит в провокацию западногерманское радио. «Свободный мир», представленный темными дельцами из Западного Берлина, протягивает щупальца в Блюменау, орудует там руками Рамша, использует ревность и душевную опустошенность Ангрет.

И вот уже связывается ниточка, ведущая к тупой и злобной Фриде Симсон, которая и сама не понимает, кому служит, когда начинает травлю Оле. Но именно потому, что Оле — человек, раскованный и воспитанный новыми временами, наступившими после 1945 года, он и смертью своей служит победе над рутиной, бездушием, граничащими с преступлением, над происками врагов, которые ловко используют чинуш и приспособленцев, так и не сумевших отделаться от старогерманской грязи. Поединок Оле, крестьянина-самородка, с Фридой Симсон и ее сообщниками воспринимается как смелое обобщенное изображение последовательной битвы против догматизма, чьи мертвящие веяния ослабляют и обессиливают на время и честного Вунигетрея, и Краусхара. Все это люди искренние, до конца преданные новой Германии, неглупые и неплохие, но иной раз от усталости и успокоенности подверженные страшному пороку равнодушия.

В борьбе с противниками колхоза, в неутомимом труде, в преодолении личных бед, в дружеском споре с приятелями, которые то *идут в колхоз, то попадают* под власть сомнений и колебаний, формируется личность Оле Бинкопа. Это отличный образец народного немецкого характера, закаленного сопротивлением нацизму, который полностью развернулся в условиях переустройства немецкой деревни на новых началах. Народная сметка, инициатива, выдержка, помогающая вынести самые тяжкие испытания и остаться верным себе, свойственны Оле. Они обнаружились в нем под воздействием великих перемен, в ходе которых возникала новая демократическая Германия. Тем драматичнее безвременная гибель Оле, гибель накануне победы.

Несмотря на гибель героя, роман Штриттматтера *не трагичен*. Его хочется назвать героической эпопеей современной немецкой деревни. Все линии книги ведут к последним сценам, в которых изображен геркулесов труд Оле, стремящегося в упорном единоборстве с природой вырвать у нее драгоценный мергель, необходимый колхозу.

Основная героическая тема, воплощенная в образе Оле, решена с обычной для Э. Штриттматтера художественной выразительностью. Оле обаятелен. Черты одержимости, присущие ему, смягчены его сердечностью, добрым смехом, готовностью помочь и поверить людям, его стремлением к общему благу. Тем острее воспринимает читатель и измену Ангрет, и позднее счастье Оле, так неожиданно оборванное смертью.

Примечательно, как композиционно и стилистически решает Штриттматтер задачи, которые он ставил перед собой. Кажущаяся фрагментарность, которую иные критики считали неудачей, на самом деле оправдывает себя именно потому, что книга Штриттматтера *говорит* и о малом мире Блюменау, и о больших городах и событиях значительного масштаба. Я ощущаю в таком построении нечто, сближающее роман с техникой киносценария. Но это не превращает роман в киносценарий (тут, впрочем, тоже нет ничего дурного)—это усиление динамичности повествования, это как бы ритм времени, врывающийся в жизнь Блюменау.

Эпос о храбром Оле, который ведет людей к лучшей жизни, создан в глубоко характерной для Штриттматтера манере лиро-эпического повествования. Эпическое и лирическое начала накрепко переплетены в этой книге и сдобрены великолепным юмором писателя: за сценой дискуссии в сельской *партийной организации* может следовать великолепный лирический отрывок-пейзаж, стихотворение, очерк душевных переживаний. Автор демонстрирует свое виртуозное владение немецкой речью, свою наклонность к ритмизированной прозе, свои качества тонкого лирического поэта, обратившегося к прозе, но остающегося поэтом и в ней. «Оле Бинкоп» — книга, написанная рукой большого мастера.

И в заключение хочется сказать о том, что чувствуешь в каждой строке книги: о неисчерпаемой, глубокой любви писателя к людям—к Антону, этому верному ленинцу из далекой немецкой деревни, к его бедной Эмме, к лошаднику Буллерту и к молчаливому Карлу Крюгеру, к старухе Нитнагель и юной Мертке. В этой близости к трудовому немецкому народу — тайна успеха «Оле Бинкопа» и вся прелесть самобытного таланта Эрвина Штриттматтера.

Э. Штриттматтер. «Оле Бинкоп». Роман. Перевод с немецкого Н. Манн и С. Фридлянд. «Иностранная литература», №№ 7, 8, 9, 10. 1965.

СЕВЕРНЫЕ БЫЛИ

ДО НЕДАВНЕГО времени Юрия Грачевского знали как театрального критика и драматурга. И вот недавно он предстал перед нами в новом качестве — писателя-прозаика. Сначала в журнале «Нева» в 1964 году появились две его повести — «Тюлений остров» и «Среди своих», затем в ноябрьской книжке журнала «Наш современник» за 1965 год был опубликован большой рассказ «Весной на «Декабристе».

Герои Ю. Грачевского живут на далеком Севере. Вот повесть «Тюлений остров». Ее герои не только борются с суровой природой и решают проблемы наиболее рационального использования рыбных богатств Севера, но, *быть может*, в первую очередь, решают для себя важнейшие нравственные вопросы. В повести «Среди своих» — очень лиричной, тонкой — любовная история также неразрывно связана с проблемами производственными. И все это не *нарочито*, а *просто*, естественно, потому что ни бракер Костя, ни его старший товарищ и друг мастер Багров, ни Сима Шанежкина не делят свою жизнь на две половины — одну для себя, другую для дела. Жизнь для других и есть жизнь для *себя* — таково кредо героев писателя.

И наконец, «Весной на «Декабристе». Суровая, строгая новелла о человеческих отношениях, о дружбе, верности, честности.

Равные люди встретились на старинном речном буксире. Механик Костин, человек трудной судьбы, повариха тетя Феня, капитан буксира, инженер Сапегин, который сопровождает важный груз на строительство далекой северной ГЭС. Становясь невольным свидетелем конфликта между капитаном и механиком, он берет на себя обязанности третейского судьи. Но, вмешиваясь в чужие судьбы, Сапегин стал размышлять и над своей собственной, всегда ли правильно вел он себя в жизни, всегда ли был достаточно принципиален. И, вспоминая, размышляя, Сапегин понял, что нельзя стоять в стороне от людей, что надо брать на себя ответственность за судьбы тех, кто рядом с тобой.

Не все в работе Ю. Грачевского совершенно. Хотелось бы пожелать ему большего разнообразия творческих приемов, которые начинают повторяться, переходя из одного произведения в другое. Требовательней, на наш взгляд, следует подходить и к использованию областных речений. В целом же прозу Ю. Грачевского отличает психологически точное раскрытие характеров, яркий, сочный язык.

В. МИХАЙЛОВА

Юрий Грачевский. Весной на «Декабристе». Рассказ. Журнал «Наш современник», № 11, 1965.

«Столовая».
Линогравюра Н. Биндлер-Даниловой (журнал «Юность», № 12) из цикла «Сибирская молодость».

МОЛОДЫЕ ОЧЕРКИСТЫ

Десять дней в Малеевке, под Москвой, продолжался семинар молодых писателей-очеркистов, созванный секретариатами правлений Союза писателей РСФСР и московской писательской организации. Впервые для обстоятельного разговора о боевом жанре собрались молодые литераторы из Москвы, Ленинграда, Архангельска, Вологды, Рязани, Калуги, Горького, Смоленска, Краснодара, Белгорода, Ставрополя, Курска.

У многих участников семинара есть уже достаточно серьезный литературный опыт. Книга ленинградки, бывшей узницы вильнюсского гетто Марии Рольникайте «Я должна рассказать» издана массовым тиражом в Москве и Вильнюсе и переводится на иностранные языки. Известны читателям проблемные выступления на деревенские темы москвички Николая Быкова и Юрия Черниченко, рассказы и очерки Виктора Лихоносова и Эрнста Сафонова, книги о дальних странах моряка Александра Иванченко, очерки Тамары Илатовской, Виктора Левашова, Аллы Гербер, Евгения Добровольского, Александра Борина, Евгения Маринина, Милицы Земсной, Лины Глебовой, Эллы Черепаховой, Ивана Юрченко. С большим интересом участники семинара познакомились с рукописями ленинградки Майи Данини, архангельца Юрия Галнина, мосвичек Инессы Бурновой и Киры Тимченко, вологодца Александра Сушинова.

В обсуждении работы молодых очеркистов приняли участие писатели Анатолий Аграновский, Николай Атаров, Иван Винниченко, Даниил Данин, Илья Зверев, Владимир Канторович, Николай Михайлов, Георгий Радов, Василий Росляков. Были прочитаны лекции о важнейших проблемах экономики страны, об экономике сельского хозяйства, о методах социологических исследований, о языке художественной прозы.

В заключение участники семинара встретились с секретарями правлений Союза писателей РСФСР и московской писательской организации, с представителями редакций журналов, газет и центральных издательств.

Наиболее подготовленные молодые очеркисты рекомендованы в Союз писателей.

поздравляем юбиляров

Н. А. Брыкину — 70 лет

Одному из старейших русских прозаиков, автору романов «Искупление», «На Восточном фронте перемены», «Земля в плену», многих рассказов и очерков Николаю Александровичу Брыкину исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру приветственную телеграмму, в которой от души поздравил Н. А. Брыкина, пожелал ему доброго здоровья и творческих радостей.

К. Н. Виноградской — 60 лет

Известный кинодраматург, автор замечательных киносценариев Катерина Николаевна Виноградская отмечает свое 60-летие.

Секретариат правления Союза писателей СССР послал юбиляру приветствие в котором говорится:

«Уважаемая Катерина Николаевна, сердечно приветствуем и поздравляем вас с днем рождения. Почти за 40 лет творческого труда Вы внесли заметный вклад в дело развития советской кинематографии. Ваши сценарии «Партийный билет» и «Член правительства» вошли в фонд большого советского кино. Картины по этим сценариям с неослабевающим интересом смотрятся по сей день, помогают наглядно изучать историю нашей Родины и воспитывать молодое поколение в коммунистическом духе.

Примите наши пожелания доброго здоровья, еще многих лет плодотворного труда на благо советского искусства».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московского отделения.

Осману Сарывелли — 60 лет

Одному из зачинателей азербайджанской советской поэзии Осману Сарывелли исполнилось шестьдесят лет. Его стихи популярны не только в Азербайджане. Они неоднократно издавались на русском и других языках нашей страны. Почти сорокалетний путь Османа Сарывелли в литературе — это путь неустанного творческого труда. И поэт недаром написал:

Чтобы сорвать листок календаря,
Я должен знать,
Что прожил день не зря.

Юбиляра горячо приветствовали **секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе. В приветствии особо отмечаются заслуги Османа Сарывелли в воспитании молодых поэтов и его неутомимая общественная деятельность.**

В. Б. Лавринайтису — 50 лет

Исполнилось 50 лет Винтору Брониславовичу Лавринайтису, прозаику, автору повести «Падь Золотая», романа «Лесная быль» и других произведений.

Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру приветственную телеграмму, в которой горячо поздравляет его со славным 50-летием.

Г. О. Осипову — 50 лет

Исполнилось 50 лет прозаику Георгию Осиповичу Осипову. Читателям известны его книги, посвященные нефтяникам Каспия, острые памфлеты и фельетоны на международные темы.

Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, дорогой Георгий Осипович, талантливого писателя, автора многих замечательных очерков, фельетонов, с пятидесятым днем рождения. Желаем большого здоровья, радостного творчества».

* * *

«Литературная газета» горячо желает юбилярам новых творческих успехов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 2 4 января 1966 г. 3 стр.

Доминиканские борцы за свободу
Снимок из американского журнала «Лайф»

СТИХИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Вчера в Гаване начала свою работу Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. Это — новый, важный шаг к единству в героической борьбе за национальную независимость, мир и демократический путь развития.
Мы публикуем стихи поэтов трех континентов.

Эльвио РОМЕРО
ПАРАГВАЙ

Земля

Земля,
Мне знакомы все твои лики.
Солнце вонзает в тебя
раскаленные пики.
Мертвы твои пади,
черны твои палы,
глаза колодцев твоих запали!

Чтобы помочь тебе в этой беде—
надо быть искрой под пеплом
костра,
семечком в борозде.
Надо бодрствовать до утра,
надо в спящую кровь,
как в двери, ломиться,
свежевать потемки когтями бурь,
надо в раскатистый гром
облачиться
и натянуть на небо лазурь!

И все это —
чтобы стоить тебя, сестра.
Ты пылаешь, и мука твоя
огромна,
земля моя — судорога костра,
камертон,
раздираемый рокотом грома!

Перевел Павел ГРУШКО

Бендили МОЛОКУ
НИГЕРИЯ

Зимбабве

Зимбабве...
Прокатывается гром,
срываясь в долину с гор,
и небо с землей, пылая огнем,
заводит старинный спор.
И пальмы качаются, гнутся дугой
и снова рвутся в зенит,
и сердце, ставшее сталью тугой,
сжимается и звенит.

Я иду,
чтобы вытащить тело твое
из кровавой ямы,
смыть вековые слезы
с твоих полуночных глаз,
платье рабства сорвать,
стереть слово «Родезия» —
клеймо на коричневом лбу,
рассеять пыль,
отгородившую тебя от вселенной,
и, от скверны очистив,
тебя воскресить!
И тогда я назову тебя снова —
Зимбабве!

Перевел Михаил КУРГАНЦЕВ

Хассиб аш-Шейх ДЖАФАР
ИРАК

Море

Сердце мое,
зеленый лимон плывет по волне.
Шальная волна уносит его
на дальние острова,
туда, где лиловые дожди,
слепящая синева.
Зеленый, смуглый лимон
сквозь теплую ночь
плывет по волне,
и тысячи шорохов,
тысячи шорохов
ветер доносит ко мне...

Перевел Михаил КУРГАНЦЕВ

Жозе КРАВЕРИНЬЯ
МОЗАМБИК

Люди и надежда

Моей жене

Обливается потом,
В три погибели гнется рабочий
скот...
Но ведь это не скот,
Это люди, Мария...
От пинка ноги убегают собаки,
Вечно голодные...
Но они не собаки,
Это люди, Мария...
Камни раздавлены яростью
каблуков...
Но ведь это не камни,
Это люди, Мария...
Хищные звери убивают стариков,
детей и женщин...
Но ведь это не звери,
Это люди, Мария...
Щенки погибают без молока,
Черви на улицах ждут
состраданья...
А это не черви и не щенки,
Это дети людей, Мария...
Звери выглядывают из-за
проволоки колючей...
И это тоже не звери,
Это тоже люди, Мария!
Но сквозь ненависть и убийства
Пробивается цветок надежды!

Перевела Л. НЕКРАСОВА

Каба ЛУНСАИНИ
ГВИНЕЯ

На исходе сна

На голубом исходе сна
Так трудно разомкнуть ресницы!
На голубом исходе сна —
Когда нам песня эта снится,
И, погрузившись в небосвод,
Скользя за дымкой голубою,
Как парус, облачко плывет
И нас торопит за собою,
На голубом исходе сна
Мы вдруг становимся богаче:
На голубом исходе сна
Мы песню слушаем иначе,
И парус манит за собой,
Минуя пристани и зори,
В простор, как небо, голубой
И неоглядный, словно море...
На голубом исходе сна
Нас будит хлесткий луч
рассвета, —
На голубом исходе сна,
Когда смолкает песня эта.

Перевел Яков СЕРПИН.

ВЕРЮ В ВЕСНУ

Богомил НОНЕВ,
болгарский писатель

ЕЩЕ вчера в горах над Софией бушевала пурга, город был окутан белесым туманом — *самая новогодняя погода.* А сегодня заснеженные горные вершины *купаются в солнечных лучах,* над софийской *равниной по-весеннему светло.* Трудно сесть за письменный стол, *когда чистый и прозрачный воздух манит на улицу.*

И все же листок календаря заставляет не только экономистов, но и литераторов, так сказать, подводить итог, определить (тут так и просится весьма популярный сейчас экономический термин) «чистую прибыль» творческих усилий, затраченных между первым и последним днями года.

И первый вывод — ныне увлечение обширными эпическими полотнами, тяжеловесным романом, оперой, многофигурной композицией как будто начинает спадать.

Это объясняется, разумеется, не «кризисом романа», а скорее поисками многообразия жанровых форм, стремлением точнее отразить многообразную картину нашей современности. Бесспорно, что поэтическое начало нередко вытесняется документальностью. Но это закономерно. В последние годы к мемуарной, публицистической, документально-исторической литературе, историко-документальному фильму проявляется повышенный интерес.

Вот один только пример. Биографии Эйнштейна Б. Г. Кузнецова и Ньютона С. И. Вавилова были переведены на болгарский язык и изданы тиражами, обычными для романа. Их раскупили буквально нарасхват. Но это отнюдь не упадок (употребляя условный термин Белинского) «чистой литературы», потому что одновременно появившиеся сборники стихов Веселина Ханчева, Пеню Пенева, Радоя Ралина так же быстро исчезли с полок книжных магазинов, а вместе с ними новеллы Йордана Радичкова и Дико Фучеджиева и две исторические книги — «Цена золота» Генчо Стоева и «Летопись смутных времен» Веры Мутафчиевой, двух почти неизвестных авторов.

Месяц тому назад в Москве состоялся разговор о художественном образе в советской и болгарской литературе. За встречей писателей двух стран *с большим* вниманием следили наши читатели, и не удивительно, что во многих городах пожелали узнать об этой встрече более подробно.

Вот почему несколько дней тому назад я попал в Перник.

Перник — город со стотысячным населением, центр каменноугольной промышленности, металлургии и машиностроения, город с богатой революционной традицией, город, упоминающийся почти на каждой странице новой болгарской истории. В одном из залов Дворца культуры собралось несколько десятков молодых литераторов и читателей, людей с ненасытимой любознательностью. Они спрашивали о Нобелевской премии Шолохова, о последнем спектакле Театра на Таганке, о поэзии Евтушенко и Вознесенского, о том, что пишет Паустовский и над чем работает Аксенов. Спрашивали, смотрел ли я «Войну и мир» Бондарчука и «Обыкновенный фашизм» Ромма. Интересовались, какие новые имена появились на московской литературной арене.

Мне было трудно ответить на все вопросы точно и исчерпывающе.

А потом меня пригласили на последнюю выставку перникских художников — профессионалов и любителей. Это очень интересная выставка. Может быть, строгий ревнитель искусства нашел бы в ней ряд художественных недостатков и увлечение экспериментами, но для меня было важно другое. Молодые художники ищут образ своего современника, трудовую характеристику своего города, атмосферу улиц и заводов.

Может быть, и я увлекаюсь в своих оценках, но это не случайно. Это объясняется гневом, который охватил меня вчера.

У меня нет склонности к приключенческим романам. Но раз уж так нашумели эти флемминговские детективы о Джеймсе Бонде, пришлось найти время, чтобы познакомиться хотя бы с одним из них. Я принялся за хваленый роман «Казино «Ройяль». В советской печати достаточно писали об авторе и его герое, пресловутом «агенте 007», человеке, которому дано право убивать, не давая никому в том отчета, лишенном всяких человеческих качеств, если не считать крайней сексуальности. То, что Джеймс Бонд не художественный образ, а примитивный символ «холодной войны», порожденный жестокостью и насилием, — хорошо известно. Тот факт, что он бессердечен, тоже не может нас удивить. А то, что Флемминг забывает предшествующие обстоятельства, часто упускает нить повествования и пишет довольно небрежно, — пусть это беспокоит его критиков и читателей. Гнев мой объясняется тем простым обстоятельством, что в своей антикоммунистической ненависти автор бестселлеров оклеветал и болгарский народ. Болгары в его книге — это лишь террористы, наемные убийцы, бандиты.

Вот почему я и рассказал вам о встрече в Пернике. Было бы смешно защищать болгарский народ. Народ, который создал свою письменность и литературу, архитектуру и искусство 1100 лет тому назад; народ, который живет на земле, где расцвело фракийское искусство; народ, который дал человечеству Ботева и Вазова, Яворова и Вапцарова; народ, который вскормил героя Лейпцига; народ, который первым поднял знамя антифашистского восстания в Европе и дал пример героизма и храбрости в партизанском движении во время второй мировой войны, — такой народ не нуждается в защите. Его защита — его собственная история, искусство, литература. Я не хочу отплатить покойному Айэну Флеммингу той же монетой. Для меня Англия — не Флемминг, не Джеймс Бонд, а Шекспир и Гамлет, Диккенс и Оливер Твист, Голсуорси и его благородные поиски истины, гуманизм Шоу, молодые писатели-реалисты нашей современности и мои друзья англичане, с которыми мы вели долгие сердечные беседы на берегу теплого Черного моря. Я даже не вспомнил бы о Джеймсе Бонде, если бы не война во Вьетнаме, если бы не заговоры против мира и счастья человечества.

И когда я читаю сообщения о бомбардировках Донг Хоя и деревень в провинции Куангминь, я явственно вижу тех, кто вершит эти неслыханные злодеяния: по вечерам они смотрят «Гольдфингера» — фильм, сплетенный из необузданной жестокости и чудовищной мстительности.

И я возвращаюсь к своим далеким воспоминаниям о Вьетнаме, когда видел длинные вереницы беженцев, переправлявшихся через реку Бен Хай на 17-й параллели. Они были изгнаны из своих родных мест. Я двигался вместе с высохшими от голода и малярии старухами, нагими ребятишками и стариками с лицами аскетов; их глаза были полны слез, полны мужественной решимости. Люди, у которых было отнято право на жизнь, на свободу, на хлеб. Сейчас над их головами бушует пламя напалма, раздается грохот бомб, зловещий треск пулеметов. Пусть Джеймс Бонд и его почитатели прогуливаются по вестибюлям роскошных гостиниц, носятся в авто по асфальтированному шоссе, прельщают белокурых красавиц и делают какие угодно ставки за карточным столиком. Но мы не позволим им убивать людей, разжигать войну и сеять ненависть. Мир — самое ценное сокровище человеческого гуманизма, и мы не дадим играть им всяким секретным и несекретным агентам. Руки их должны быть связаны!..

Зимнее солнце не греет так, как мне того хотелось бы. И все же оно согревает сердце, напоминая о близкой весне. И новогодние раздумья, как бы ни были они отравлены тяжелыми сценами войны и ненависти, вселяют веру в весну, в будущее, в человеческую надежду, в мир без секретных агентов, без убийств, без войны...

СОФИЯ. (По телефону)

НОВОГОДНИЙ ФЕЛЬЕТОН

ЗОЛУШКА, ВЕРСИЯ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Н. РАЗГОВОРОВ

ПОМНИТЕ ли вы сказку Шарля Перро «Золушка»?.. Прекрасно... Ну, так скажите мне, что спросила тетушка-волшебница у несчастной Золушки, когда ее разнаряженные сестры укатили на бал к принцу... Правильно... А что сказала волшебница, пожелав помочь бедной девушке?.. Вот и ошиблись. Она приказала: «Ступай в огород и причеси мне тыкву». Волшебница выдолбила тыкву, прикоснулась к ней волшебной палочкой и тыква превратилась в золоченую карету.

Но Шарль Перро мало того, что и сам жил давно, он еще и книгу свою озаглавил «Истории или сказки давних времен». И действительно, неблизких. Ведь впервые о Золушкиных радостях и огорчениях мы узнаем из сказки, написанной еще в III веке. Авторитетный французский справочник уверяет, что после того возникло 130 версий этой трогательной истории. А где есть сто тридцать, там будет и сто тридцать первая...

— Ступай в город и принеси мне газету «Фигаро литерер», — сказала современная добрая волшебница, и не вспоминая о какой-то огородной тыкве.

Когда бедная девушка выполнила ее приказание, фея, нацепив на нос очки, полюбопытствовала: «Так где же, ты говоришь, устраивает бал этот самый принц?»

— В новом ночном танцевальном зале «Бус Палладиума», — ответила Золушка, прекрасно запомнившая название, не сходившее с уст ее чванливых сестричек.

— Отлично, — сказала волшебница, углубляясь в чтение «Фигаро литерер», и через две-три минуты, подняв голову, спросила: — А что же, моя милая, мешает и тебе отправиться вслед за сестрами?

— Но, тетушка! — воскликнула Золушка, с грустью показывая на свое старое платье и стоптанные туфельки.

— Глупости, — возразила волшебница, — я вижу, мачеха так загрузила тебя работой, что ты совсем отстала от парижской жизни. Вот послушай, что пишет толковый и знающий человек Бернар Пиво о твоем «Бус Палладиуме».

Золушка стала внимательно слушать и узнала, что «Бус Палладиум» надеется «примирить различные классы общества», что вход туда открыт всем и каждому, а в гардеробе роскошные норковые манто аристократок соседствуют с лохмотьями, в которые закутывают свои тела парижские битники. «Мне нравится такое сближение социальных классов. Я за него», — восторженно писал журналист.

— Так не теряй времени и отправляйся-ка на бал, — строго сказала волшебница, — может быть, в своем скромном платье ты понравишься принцу гораздо больше, чем твои модницы сестры.

— Нет, тетушка, — ответила Золушка, — в этом платье я еще, может быть, и рискнула бы туда пойти, но в таких туфлях — ни за что!

— Ну, хорошо, — сказала волшебница, свернула «Фигаро литерер» в волшебную трубочку, ударила ею три раза по полу, и на ножках у Золушки засверкали чудесные хрустальные туфельки.

Счастливая девушка уже бросилась к дверям, но волшебница остановила ее и, действуя по зародившейся еще в III веке традиции, строго приказала вернуться до того, как часы пробьют полночь.

В «Бус Палладиуме», куда, наконец, добралась Золушка, веселье было в самом разгаре. Забившись в уголок, она увидела, что здесь танцуют именно так, как и описывает бывалый и знающий человек Бернар Пиво. «Танцуют... но не улигули и не сиртаки, тоже мне танцы! Танцуют джерк, именуемый также манки, новый танец-негроид. Негроид — это значит, что так танцевали когда-то в древние времена в Африке. В адском ритме, каждый сам по себе, отчаянно вертя бедрами, судорожно извиваясь, корчась всем телом, иногда закидывая голову назад с диким воем, иногда тряся ею и испуская стоны от счастья, неистово размахивая воздетыми к небу руками. А те, кому это позволяет гимнастическая подготовка, могут при случае впасть в транс и корчиться на полу, дико вытаращив глаза! Джерк — это феноменально!»

Бедная Золушка не решалась выйти из своего уголка, ибо отлично сознавала, что стоит ей присоединиться к общему танцу, топнуть два-три раза ножками — и хрустальные годочки разлетятся вдребезги. Как она жалела, что ее старые, стоптанные туфли остались дома! С досады у несчастной девушки навернулись на глаза слезы. Она хотела уже уйти и стала протискиваться к дверям, но в этот момент корчившийся на полу принц поднял голову и увидел ее очаровательное личико. Он вскочил и преградил ей дорогу. Оркестр с утроенной силой грянул рок — поистине это было роковое мгновенье! Что делать?! И вот уже Золушка, держа в руках ловко скинутые ею хрустальные туфельки, грациозно отплясывает джерк. Что-то неимоверное поднялось в зале! Все тоже стали сбрасывать обувь, увидев в невинном жесте Золушки, старавшейся сберечь тетушкин подарок, некий глубинно-первобытный порыв, ответ на зов далеких босоногих предков, не знавших классовых различий.

«Они танцуют, полирая социальные барьеры», — вспомнилась Бернару Пиво строка из его статьи, когда он лихорадочно расшнуровал правый ботинок.

«Это — уже не рок, это — пальба из тяжелых пулеметов. Ничего не слышно, это — война! Чудесно!» — записал Бернар Пиво, разделавшись с правым ботинком и принимаясь за левый.

Двое танцоров вскочили на эстраду и запели, стараясь перекричать джаз:

Привет, бедняк, ты тощ и наг.
Привет, богач, ты толст, как мяч.
Но оба мы, танцуя рок,
Свернем себя в бараний рог!
Свернем себя в бараний рог,
Нам нет других путей-дорог!
Нам нет других путей-дорог!
Танцуйте рок, танцуйте рок!

А принц! Желая выразить, насколько он очарован Золушкой, титулованный танцор воздел руки к небу и так усиленно ими жестикулировал, что рукава его элегантного пиджака съехали чуть ли не до самых локтей. Взгляд девушки упал на ручные часы принца. Пять минут первого! Воскликнув «ах!», выронив от испуга обе хрустальные туфельки, Золушка, перепрыгивая через танцующих, выбежала из «Бус Паладиума» и помчалась домой.

На следующий день слуги принца очень быстро разыскали Золушку, так как в их распоряжении была не одна, а целых две туфельки. Но и эти несколько часов поисков показались принцу бесконечными. Чтобы убить время, он читал репортаж Бернара Пиво о танцах в «Бус Палладиуме» и, позвонив в редакцию, сообщил о своем намерении немедленно жениться на Золушке, чтобы этим практическим па подтвердить теорию стирания социальных граней с помощью джерка.

Случайно на глаза принцу попался декабрьский номер журнала «Табль ронд», который можно скорее назвать консервативным, чем либеральным. Принц стал его перелистывать и был страшно разгневан, прочитав в статье социолога Жака Катта «Человек и среда» такие возмутительные строки: «Социальные классы — по крайней мере до самого последнего времени — разделены перегородками, и было нелегко в прошлом и совсем нелегко сейчас подниматься по социальной лестнице с помощью своих собственных средств». Печатать такое в декабре, когда авторы трудятся над рождественскими и новогодними рассказами! Возмущенный принц приказал закрыть «Табль ронд».

Золушка была так же добра душой, как и прекрасна лицом. Став принцессой, она взяла скромного журналиста Бернара Пиво к себе во дворец и в тот же день женила его на своей старшей сестре, которую сделала придворною дамою. Получив за женой солидное приданое, Бернар Пиво скупил все акции еженедельника «Фигаро литерер» и в нынешнем 1966 году станет его единственным владельцем, одним из королей французской прессы. Теперь-то уж он будет проводить дни и ночи в «Бус Палладиуме» и такие откалывать там коленца, что ни в сказке не сказать, ни Перро не описать.

НА СЪЕЗДЕ ЮГОСЛАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Восьмой чрезвычайный съезд писателей Югославии, проходивший 21 и 22 декабря 1965 года в Белграде, был юбилейным — ровно двадцать лет тому назад, когда только что отгремели последние залпы в освобожденной югославской столице, литераторы страны собрались на свой первый учредительный съезд. Многие пришли на съезд буквально из боя, еще опаленные пороховым дымом. Теперь они собрались снова, чтобы подвести итоги двадцатилетнему развитию литературы новой Югославии. С докладом о путях и достижениях югославской литературы в условиях социалистического строительства выступил председатель Союза писателей Югославии Меша Селимович. «Наша литература, — подчеркнул он, — сохранила свою преемственность развития и начиная от первых послевоенных лет до сего дня дала целый ряд значительных литературных имен и произведений».

С рассказом о положении в различных национальных литературах на съезде выступили представители всех югославских республик: Д. Матич, М. Бор, М. Джюрчинов, М. Ваупотич, С. Леовац, Р. Роткович, а также представители литератур национальных меньшинств в Югославии — венгр П. Шафер и албанец Эсад Мекули. Выступая по докладу генерального секретаря СПЮ Славко Михалича, писатели подробно останавливались на проблеме «Писатель, книга, общество».

На повестке дня съезда стоял вопрос об изменениях организационной структуры Союза писателей Югославии. Большинством голосов был принят новый устав, согласно которому союз приобретает новые функции и новое название — Союз объединений писателей. Его задачи будут заключаться, в частности, в «стимулировании и координации деятельности республиканских союзов и объединений, литературной жизни в стране и межреспубликанского сотрудничества, в установлении и поддержании связей с родственными организациями в стране и за рубежом... в защите имущественных и моральных прав писателей». Новый устав предусматривает коллегиальное членство. Как отмечает газета «Борба», «Устав... не оставляет возможности существования в Союзе так называемых «группировок писателей по эстетическим устремлениям». В качестве постоянно действующего органа создается Координационный комитет, в котором каждая республика получит один голос. Местопребыванием Координационного комитета каждые два года будет поочередно столица той или иной республики.

Съезд принял решения, направленные на улучшение деятельности нового союза. В течение января 1966 года намечено провести съезды всех республиканских союзов.

На съезде югославских писателей присутствовала делегация писателей СССР в составе А. Гончара, С. Бородина и В. Лаврентьева, находившаяся в стране по плану культурного сотрудничества между нашими странами.

СЕРЕБРЯНОЕ ЧУДО

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

— Из бабьих сказок, — ответил я нарочито серьезным голосом и для вящей убедительности добавил: — Только ты, Амелина, пожалуйста, не говори об этом Лиде, а то она засмеет меня.

— И напрасно вы так думаете про Лиду. Она совсем не такая насмешница. Если бы вы знали, как она заботится о нас, — начала было заступаться за старшую подругу младшая, но я закрыл ей варежкой рот.

— На морозе много говорить не полагается.

По накатанному скрипучему большаку шагалось легко, и мне все время приходилось сдерживать себя, чтобы моя спутница не выбилась из сил в начале пути. Пока не зашло солнце, я все еще надеялся, что нас подвезет какой-нибудь возвращающийся порожняком из кооператива дядька, но попутных подвод не было, изредка попадались только встречные, груженые дровами возы. Шедшие за ними пожилые мужики покачивали головами и, обращаясь ко мне, говорили:

— И куда ты, парень, ведешь ее на ночь глядя?

А те, что помоложе, отвечали:

— Ничего, он в случае чего на руках ее донесет. У него плечи крепкие...

Мы уже прошли редколесье и вышли на обширный, уставленный стогами луг, когда закат вспыхнул всей яркостью своих золотисто-оранжевых красок. Отсветы его лежали на снежных верхушках стогов, как перья жар-птицы. Я невольно остановился и глубоко вздохнул. Казалось, что даже оледенелые деревья на какое-то мгновенье вышли из оцепенения, встряхнулись, зазвенели стеклянными подвесками.

— Ты слышишь что-нибудь, Амелина?

— В ушах звенит, — отозвалась девчушка, прислонясь к придорожному дубу. — Это тоже хорошая примета?

— Очень, очень хорошая.

Краски заката начали меркнуть, стала отчетливо видна еще не рассиявшаяся луна.

До сторожки нам оставалось пройти версты две с половиной по самой чащобе. Там в сумерках мохнатые от инея деревья переплетались до того густо и фантастично, что напоминали морозные узоры на стеклах окон. И выглядели они какими-то нереальными, лишенными объема и веса. Меня не покидало ощущение, что стоит только притронуться к ним — и они разлетятся, превратятся в облачко снежной пыли.

Моя спутница старалась не показывать виду, что устала, и шла немножко впереди меня.

— Вот дойдем до сторожки, а там станет легче, — подбадривал я ее. — Оттуда что ни шаг, то ближе к дому.

Поляна, где стояла сторожка, встретила нас звоном колодезной цепи. Это вернувшийся из позднего обхода лесник вышел за водой, чтобы сварить ужин.

— Добрый вечер, дядя Федор, — окликнул я его.

— А, это ты, голова садовая, — откликнулся, вытаскивая из сруба ведерко, одетый в заячий треух и дубленый полушубок коренастый мужчина с неожиданно тоненьким голоском. — Ну, милости прошу к нашему шалашу. Пока вы обогреетесь, у меня свежая зайчатинка будет готова...

Я оглянулся на сторожку. В ее окнах так приветливо мерцал огонек, над ее трубой так весело завивался столбиком дымок, что я с трудом выдавил из себя:

— Спасибо, дядя Федор. Мы и так припозднились, а мне еще нужно довести землячку до Амелинских хуторов.

— Ну, гляди сам. До Амелинских хуторов, конечно, нельзя сказать, что подать рукой, однако, ежели идти через горелое болото, и не так уж далеко. Версты на три ближе, чем по большаку мимо вашей деревни. Правда, волчишки оттуда похаживают на Кротовский поселок за овечками, но это уже перед утром. Сейчас еще рано.

Я взглянул на свою спутницу и подмигнул леснику:

— Ты, дядя Федор, так напугаешь нас своими волчишками, что мы, чего доброго, останемся у тебя ночевать.

— А может, я для этого и говорю, — рассмеялся тот. — Зайчишку-то я добыл нынче знатного. С молодого барашка ростом. Одному мне с ним не управиться.

— Так что же, Амелина, придется оставаться до утра?

— Что вы, что вы, — не на шутку переполошилась девчушка, — мне оставаться никак нельзя. А идти не обязательно через горелое болото. Можно и по большаку.

— По большаку вам идти нет никакого резону, — возразил дядя Федор. — Три версты в такую пору не малый крюк. Если уж не хотите оставаться, возьмите мое ружьишко. Оно у меня наговорное. Под стволы паленая бирючья шерсть подложена. Его волчишки за версту чуют. В самом деле, возьмите.

Я покачал головой:

— Нет, это не годится. Как же мы тебя оставим с пустыми руками?

— Обо мне ты не беспокойся, голова садовая, — тронул заиндевелые усы дядя Федор. — Я, брат, разбогател. Второе ружьишко купил. Центрального бою.

Пришлось на минутку зайти в сторожку, и дядя Федор торжественно вручил мне свою старую, видавшую всякие виды двустволку:

— Завтра на обратном пути занесешь, голова садовая.

От сторожки мы шли уже не вдвоем, а втроем. За нами следовал незримый двойник дяди Федора. Я все время чувствовал его присутствие, ощущая на плече ремень двустволки. И когда, подойдя к развилке, я спросил у своей спутницы, по какой же дороге мы пойдем, она ответила: конечно, через горелое болото.

Место это было мне хорошо знакомо с детства. Я не раз водил туда с друзьями коней в ночное. Дурная слава волчьего гнезда не отпугивала, а привлекала нас к нему. Переночевать хоть однажды на горелом болоте считалось обязательным для каждого подростка, чтобы не прослыть трусом.

И волки, как нарочно, резали жеребят-сосунков где угодно, только не на горелом болоте. Впрочем, как же могло быть иначе, если там мы сидели у костра, не смыкая глаз всю ночь, а отсыпались потом в других, более безопасных местах.

Все это и вспомнилось мне, когда мы свернули с большака на лесную прямоезжую дорогу. Луна стояла уже высоко над лесом, но трудно было поверить, что она одна может дать столько света, сколько переливалось его вокруг нас. Казалось, сияли сами деревья, густо усыпанные блестками, лучились снежные шапки на придорожных пнях. Скрип шагов в морозной тишине не мешал мне слышать не только дыхание, но и сердцебиение моей спутницы.

Девчушка теперь, чтобы не отставать от меня и не забегать вперед, держалась за мой рукав. Она боязливо косилась по сторонам и на каждой прогалине задавала один и тот же вопрос: не горелое ли это болото и не пора ли пугнуть выстрелом притаившихся в кустах волков?

Но я так и не снял с плеча двустволки, а горелое болото показал ей лишь тогда, когда оно осталось позади.

— Это, наверно, ружье дяди Федора спасло нас от встречи с волками, — сказала она, увидев над сугробами огоньки знакомых хуторов. — Теперь, когда все так хорошо кончилось, даже немножко жалко, что волчий след нигде не пересек нам дороги...

— Зато ты можешь похвалиться, что видела волчье солнце в короне, — ответил я и показал на луну, которая была окружена тремя кольцами — дымно-зеленым, синим и желтым.

Девчушка ахнула и тихонько, как бы про себя, засмеялась. Прислонившись к моему плечу, сказала:

— Сколько чудес за один конец дороги. Большое спасибо вам.

Я потрепал ее варежкой по щеке:

— За что же мне-то спасибо, дурочка? Это, наверно, ради тебя зима расщедрилась. Я и сам такое, может, раз в год вижу.

— А я бы и совсем не увидела... Меня с детства учили смотреть в дороге только себе под ноги, чтобы лишний раз не споткнуться. Так я и шла не поднимая глаз.

— Ну, это до поры до времени. Придет срок, и глаза сами к небу поднимутся, — пообещал я таким тоном, словно годился ей в отцы.

Мы расстались друзьями.

В свою деревню я шел не спеша, чтобы не спугнуть того счастливого чувства, которое рождается в душе сознанием, что доставил кому-то хоть маленькую радость.

У нас уже расходились с посиделок последние мужики-полуночники. Мои домашние удивились и испугались — откуда я в такой поздний час да еще и с ружьем. Я ничего не стал им объяснять, сказал, что засиделся в сторожке у дяди Федора и он дал мне для опаски свою двустволку. О том, что было у меня на душе, я мог рассказать только Лиде. Но и ей рассказывать не пришлось. В понедельник я чуть не опоздал на первый урок и только издали успел кивнуть Лиде: дескать, на переменке все расскажу. Однако она не дождалась переменки и тут же прислала мне записку:

«Все знаю — и про пасолнца, и про волчье солнце в короне, и про ружьишко дяди Федора. Вот это и есть настоящее серебряное чудо. Наша девчушка говорит, что никогда его не забудет!»

«Пока не случится другого, еще более настоящего чуда», — написал я чуть пониже и, улучив минутку, когда преподаватель отвернулся к доске, бросил записку обратно.

Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещает о смерти члена Союза писателей **ГОРФИНКЕЛЯ Даниила Михайловича** и выражает соболезнование семье и родным покойного.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-09-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — Б 8-51-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-89, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

ИНДЕКС 50062 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—00808